

Владимир ЦАРИЦЫН
ОСЕННИЙ ЛИСТ
или
ЗАЧЕМ БОМЖУ ДЕНЬГИ

@ЭЛИТА

16+

Владимир Царицын

**Осенний лист, или
Зачем бомжу деньги**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Царицын В.

Осенний лист, или Зачем бомжу деньги / В. Царицын —
Электронное издательство "Аэлита", 2013

Место действия – Россия. Время действия – наши дни (нулевые годы текущего столетия). Главный герой романа – Алексей Алексеевич Сидоров – бывший преуспевающий бизнесмен, в одночасье потерявший все: любимую женщину, дом, деньги, положение становится бомжем. Сидоров умен и предприимчив, некоторые его инициативы помогают улучшить быт вольного братства. За эти услуги бомжи, обосновавшиеся на развалинах завода «Искра», провозглашают его своим предводителем. Известие о том, что бывшая жена Алексея Катерина убита боевиками преступного авторитета Пархома, толкает Сидорова встать на путь мщения.

© Царицын В., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Часть I. Бомжи	6
1	6
2	12
3	19
4	26
5	30
6	39
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Царицын

Осенний лист, или Зачем бомжу деньги

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I. Бомжи

1

Сидоров встретил Молотилова на улице.

Наступала зима, а одет Альфред Аркадьевич был явно не по сезону: туфельки на тонкой подошве, кожаный пиджачишко в каких-то бурых проплешинах; шарф заменяло не первой свежести вафельное полотенце. Без шапки, волосы короткие, но не стриженные, а будто огнём опалённые. Измождённое лицо покрывала, по крайней мере, недельная щетина. И жжёным от него несло, как от погорельца. Узнать в этом опустившемся человеке прежнего, всегда гладко выбритого, пахнувшего дорогим парфюмом коммерческого директора солидной фирмы было весьма проблематично. Сидоров и не узнал бы, не будь он бомжом. Но Сидоров – бомж со стажем. Пройти мимо конкурента и не остановиться, не разобраться с ним – это нельзя, это идёт вразрез с жизненной установкой вольного человека.

Едва он подошёл к чужаку с намерением турнуть куда подальше и взглянул в испуганные глаза, сразу узнал. И почему-то обрадовался.

– Ба! Альфред! Вот так встреча! Что за вид?

– Алексей... – почти по слогам произнёс Альфред имя Сидорова и замолчал, вспоминая отчество.

– Алексеевич, – подсказал Сидоров, хохотнув.

Давненько его не величали по имени-отчеству. «Ляксеичем» называли, но это больше смахивало на кличку.

– Так что с тобой случилось, Альфред? Катька из дома выгнала? Она может. Небось, новую игрушку завела?

– Катеньки больше нет, – прошептал Альфред и его красные воспалённые глаза наполнились слезами.

– Как это? – не сразу врубился Сидоров.

– Убили Катеньку...

Сидоров стянул вязаную шапочку и перекрестился.

– Как это... как, убили? Почему?..

Сидоров давно перестал вспоминать о тех временах, когда они жили с Катериной, забыл обиду, которая, казалось, никогда не забудется. Он вычеркнул Катерину из памяти, и с трудом мог вспомнить теперь, как выглядела его бывшая жена. И, вдруг словно схватил кто-то за горло. Дышать стало трудно. Память о Катерине вернулась в один миг.

Альфред что-то бормотал, но что – разобрать было сложно, язык не слушался Альфреда, синие губы не хотели разлепляться.

Сидоров сглотнул тугой комок и сказал:

– Ладно, потом расскажешь. Пошли, тебе сейчас отогреться надо и поесть. Водки бы граммов сто не помешало...

Жил Сидоров в кабинете начальника цеха по производству легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ разграбленного и разрушенного завода «Искра».

Некогда «Искра» был градообразующим предприятием и относился к оборонному комплексу. Потом, в далёком девяносто четвёртом, в рамках глобальной конверсии, завод решили смести с лица земли и построить на его месте Торговый Центр. А что делать, если мины, гранаты, динамит и прочая взрывающаяся продукция стала стране не нужна?

Кстати, именно Альфред Молотилов (в то время молодой, новоиспечённый инженер-технолог, работающий в техбюро завода) предложил завод не ликвидировать, как того требовал мэр, и с чем безоговорочно соглашался директор «Искры» Антон Иванович Самощёсов, а только слегка перепрофилировать и наладить выпуск петард, новогодних хлопушек, бенгальских огней и прочих пиротехнических изделий не милитаристского направления.

Идея Альфреда бурно обсуждалась на собраниях, в цехах и в курилках. На директорских планёрках она тоже обсуждалась, но менее бурно. Антон Иванович на этих планёрках, не стесняясь подчинённых, ковырял в носу и катал из добытого шарики. Ему были глубоко безразличны и судьба завода и судьбы заводчан, он уже достиг пенсионного возраста, обеспечил себе безбедную старость, а своим детям организовал мощные стартовые условия для карьерного роста. Теперь он ждал момента, когда можно сделать последний финансовый рывок и спокойно уйти на заслуженный отдых. Проводил скучные планёрки, и, от нечего делать, а возможно, доставляя себе удовольствие, ковырял в носу и катал шарики.

Тем не менее, полностью игнорировать Молотиловскую инициативу, с энтузиазмом подхваченную широкими трудовыми массами, Самощёсов не мог, он ещё не впал в старческий маразм, а демократия капиталистическая не успела до конца сожрать демократию социалистическую. Поэтому, скрепя сердце, он дал задание заводским экономистам подсчитать затраты, связанные с перепрофилированием «Искры» и определить, хотя бы приблизительно, себестоимость «новой» продукции.

Экономисты считали долго, а когда закончили, не только у Альфреда Молотилова, у всех вытянулись лица: петарды оказались дороже китайских в восемнадцать с половиной раз! Не говоря уже о новогодних хлопушках – одни конфетти были дороже готовой китайской хлопушки. «Ерунда, быть того не может, – возмущался Альфред, – я тут сам подсчитал кое-что...». Но Антон Иванович слушать его не захотел. Он встретился с мэром, и в тот же ресторанно-банный вечер было принято судьбоносное решение: «Искра» должна быть потушена навсегда.

Решение приняли, народ с завода уволили, готовую продукцию куда-то увезли, Самощёсов вышел на пенсию и укатил на ПМЖ в Карловы Вары, а на завод двинулись экскаваторы, бульдозеры, и... мародёры.

Да, видать, деньги на строительство Торгового Центра кто-то украл. Всё оборудование – станки, в том числе уникальные, грузоподъёмные механизмы, огромные гальванические ванны, металлоконструкции, всякую технику, да вообще всё металлическое, что находилось в цехах и на территории, вывезли с завода. Как позже выяснилось, сталь и цветной металл продали китайцам. За гроши, по цене металлолома. Стены цехов разбомбили тяжёлой дурой, подвешенной к стреле экскаватора. Цех по производству легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ (когда-то давно этот цех, для краткости, обозвали «взрывным», и вскоре это название стало чуть ли не официальным) по какому-то странному стечению обстоятельств, уцелел. Может быть, потому, что он был ниже других цехов и почти скрылся под обломками рядом стоящих зданий. А может быть, экскаваторщику сказали, что денег нет и не будет именно в тот момент, когда он ехал добывать недобитка, и машинист плюнул на всё, бросил вверенную ему технику и подался в коммерцию вслед за остальными. Наверное, торгует теперь китайским ширпотребом на городской барахолке...

Так и стоят развалины уже почти одиннадцать лет.

Весь взрывной цех утеплить было сложно, слишком большой, а вот бытовки постепенно заселились бомжами. В них притащили буржуйки, какую-никакую мебелишку и прочее имущество, отслужившее свой срок прежним владельцам. Щели в бытовках позатыкали стеклотой, отмотанной с труб теплотрассы, окошки, где были, забили досками и затянули обрывками рубероида, найденного тут же на развалинах завода. Попасть туда жить, или, как говорили

бомжи, прописаться на заводе, было практически невозможно. Только за великие заслуги перед вольным братством.

Сидоров такие заслуги имел, а потому жил там четвёртый год. Жить да не тужить, в таком комфорте можно до самой смерти. Но обитатели взрывного цеха стали поговаривать (разговоры года три назад возникли), что нашёлся, якобы, какой-то богатый человек, патриот родного города, и решил довести начатое дело до конца: построить-таки Торговый Центр. А если так, если слухи обернутся реальным делом, то Сидорова и его товарищей по несчастью ждут новые испытания. Лето – ерунда, а вот зима... Но лето прошло и зима наступила. А потом и зима прошла потихоньку. И вот уж новая зима скоро вступит в свои права. Пока она только предупреждает о своём наступлении, подмораживает с утречка, а днём тает всё.

Время идёт, а спецтехника не торопится въезжать на заваленную бетонными и кирпичными обломками территорию, когда-то гордо именуемую территорией завода «Искра», на котором в далёком уже прошлом трудилось более тридцати тысяч человек. Видать, струхнул «патриот», прикинув объём работ по расчистке территории. Об этом можно судить по тому, что Торговый Центр быстро построили в другом месте, почти в центре, не на отшибе, где стоял завод. Тот самый «патриот» его и построил, или какой другой, этого никто не знал. Таких вещей и нормальные люди с паспортами и прописками не знают, а уж бомжам-то кто скажет?

Люди бомжей сторонятся, не разговаривают, даже глаза почему-то отводят, если бомжа увидят. Может быть, боятся заразиться чем-нибудь? А может, стыдно им, что у них есть чем с несчастным бездомным поделиться, но они не делятся? Почему? Тут много причин. Сколько ни пытался Сидоров найти хоть одну неуважительную, не находил. Кто захочет отдать честно заработанные или честно сворованные деньги? Ведь живут-то сейчас все с копейки. У всех дети, им надо – давай да давай. А кто-то на машину копит, кто-то на отпуск. Кто-то на «чёрный день» откладывает или на собственные похороны. А если у кого-то совсем уж ненужные вещи скопились, тот их на помойку несёт и рядышком с баками для бытовых отходов складывает. Для кого? Для бомжей, конечно, или для других, кто тоже этому бараклу рад.

Все эти размышления Сидорова не касались тех, кто разъезжал по городу в «Мерседесах» и в «Джипах». Тех, кто существовал, но, находясь вне зоны обитания бомжей, существовал как бы чисто гипотетически. В местах, где можно было этих людей увидеть – бары, казино, рестораны, дорогие бутики, супер- и мегамаркеты, деловые центры, – там бомжам появляться запрещалось. И менты шугали, а больше – охранники и швейцары.

Рыться в отбросах и вообще – появляться, бомжам позволительно только в удалённых от центра спальных микрорайонах. А кто там живёт? Обычные люди, которые копят на машины, тратятся на своих чад, живут с копейки и складывают ненужные вещи рядом с мусорными баками.

Людей из «Мерседесов» и казино Сидоров ненавидел. Возможно, потому, что ненавидел себя тогдашнего. У него ведь тоже когда-то был «Мерседес», и в казино он бывал чаще, чем на работе. Нечего ему было на работе делать, там Катерина со всем легко управлялась. Нет, поначалу-то они с Катей вместе крутились – укрепляли, отлаживали, а когда всё укрепили и отладили, Сидоров к работе стал охладевать. А потом Катя Альфреда Молотилова наняла...

Сидоров пытался, но никак не мог забыть тот случай, когда он так просто, из одной лишь неприязни, и потому что был в дурном расположении духа, избил бомжа. Этот бомж подвернулся ему под горячую руку у чёрного выхода из магазина, принадлежащего чете Сидоровых. Сидоров поругался с директором магазина по поводу занижения суммы дохода в отчётности. Он был зол и ему очень хотелось набить директору морду, но удовлетворить своё желание не мог по очень простой причине: директор была женщиной.

Плюнул Сидоров, вышел из магазина, а тут бомж! Стоит у мусорного контейнера, смотрит на него, открыв рот, и моргает прозрачными испуганными глазёнками. Мразь, подумал Сидоров и ударил, разбил грязное лицо в кровь, а потом ещё ногами пинал. Пинал, а бомж

даже не скулил, только отрывисто хакал, выплёвывая из себя порционные куски воздуха при каждом пинке. Отведя душу, Сидоров вернулся в магазин и долго мыл руки в подсобке. Какая мразь, повторял он про себя, совершенно забыв народную мудрость, что от тюрьмы да от сумы зарекаться нельзя. Тогда он и не предполагал, что попрошайничество и рытьё в помойке вскоре станет для него основным занятием, что будет он точно таким же, как тот, кого он только что избил до полусмерти.

С тех пор лет восемь прошло, уже и бомжа-то того, наверняка, в живых нет (у бомжей век короткий, а тот, которого он избил, стариком был, или стариком казался), уже и сам Сидоров – бомж со стажем, а гложут его воспоминания. И ненавидит он себя тогдашнего – сытого, здорового, обласканного красавицей-женой, преуспевающего и не думающего о завтрашнем дне.

Сидоров искренне считал тогда, что бомж потому бомж, что он алкаш и бездельник, а то, что он, Сидоров, прочно и уютно обосновался в среднем классе, так это благодаря его умственным способностям, трезвому образу жизни и желанию жить красиво. Любой человек, считал Сидоров, любой, способный думать и желающий чего-то достигнуть, никогда не опустится на дно. Нужно просто работать – пахать и вкалывать, а если не хочешь ничего делать, да к тому же водку пьёшь – ройся на помойках и живи под теплотрассой, в подвале или на чердаке. А лучше вообще не живи!

До встречи с Катериной Сидоров имел двухкомнатную квартиру на Центральном проспекте, оставленную ему в наследство мамой, свежую Тойоту «Виста», старенькую тентованную «Газельку» и дачу в Шугаевке, на которой после маминой смерти Сидоров ни разу не был. Дача, наверное, заросла бурьяном и одичавшей облепихой, а может, её давно растащили по дощечкам. На дачу Сидоров не ездил потому, что, во-первых, человеком был совершенно городским, любил комфорт, а комаров и омовения холодной водой из рукомойника не любил, а во-вторых, ему некогда было заниматься этой ерундой – выращивать морковь, свёклу и лук – он выращивал грибы. Прибыльное дело – шампиньоны и вешенки!

Катя, к моменту их знакомства, достигла гораздо больших успехов, несмотря на то, что была моложе Сидорова на целых пять лет, а в наследство от родителей не получила ничего. Даже улучшенную трёшку в новом доме купила сама. По городу Катерина разъезжала на ярко-красном «Форде», но, кроме «Форда», у неё было ещё два микроавтобуса, «Газель» с термобудкой и «СуперМАЗ» для дальних рейсов. Этот автопарк был ей необходим для обеспечения торгового процесса в трёх продуктовых магазинчиках и десяти торговых точках на центральном городском рынке.

И всего этого она добилась сама!

Родители у Кати, конечно, имелись, или, по крайней мере, были когда-то, но Катя никогда о них Сидорову не рассказывала, даже тогда, когда они стали мужем и женой. Сказала как-то: «Родители дали мне жизнь, кормили, поили, пока я маленькая была, игрушки покупали. И за это им огромное спасибо. Школу окончила, посидела на папиной шее, и хватит, дальше – сама. Захотела – высшее образование получила. Теперь кручусь, как могу»

О том, как Катерина крутилась с двадцати двух до двадцати восьми лет, то есть до весны тысяча девятьсот девяносто шестого года, когда они с ней встретились на вечеринке одного из приятелей Сидорова, она тоже никогда ему не рассказывала. Зато рассказывали доброты, которые были Сидорову знакомы, и которые некогда вращались с Катериной на параллельных бизнес-орбитах.

– Зачем ты с ней связался? – говорили они. – Она же стерва, негде пробу ставить! Скольких хлопцев довела до состояния сублимации! Одного так вообще до нитки обобрала... – и вываливали ему пикантные подробности Катериной жизни.

– Да, врётё вы всё! – не хотел верить Сидоров, – Катенька не такая. Она умная и целеустремлённая. У вас нет такой работоспособности и коммерческой хватки, вот вы и поливаете её грязью. А если и пользуется она тем, что ей бог дал, так покажите мне безгрешную. Я на ней тут же женюсь.

Но женился он на грешной Кате.

Те самые доброты и советчики говорили:

– Ну, трахнул раз. Бабёнка-то она, конечно, интересная. Эффектная. Сексапильная, так сказать – удержаться трудно. Ну, понравилось, ну, ещё раз трахнул. Но жениться-то зачем?..

Но Сидоров советам не внял, женился.

Женился и целых четыре с половиной года не сожалел о принятом решении.

Познакомились они в марте, на женский день. В тот же вечер оказались в постели, а через три месяца Сидоров повёл Катерину под венец.

В постели она была ураганом.

Сидорову было с чем сравнивать. Он до Кати был дважды женат.

Первый раз – по глупости. Отслужив два года в Хабаровском крае в отдельном десантном батальоне без отпуска и почти без увольнительных (а потому, что некуда было в увольнительные ходить, в глуши служил), демобилизовавшись, он набросился на девчонок, как лис на кур. По бабам Лёшка Сидоров изголодался – жуть! А потому женился на первом курсе инженерно-строительного института, куда поступил с первой попытки. Женился совершенно необдуманно, по залёту одной из многочисленных подруг-однокурсниц, но едва дотянул в браке до второго курса. Родившийся ребёнок был очень мало похож на Сидорова по одной простой причине – Сидоров был блондином, и его молодая супруга Света была натуральной некрашеной блондинкой, а ребёнок был... ну, если сказать, что смуглым, это не совсем точно: он был очень смуглым. Ребёнок оказался негром. Такое иногда случается, где-то когда-то кто-то из предков по женской линии согрешил с чернокожим. Но Сидоров в случай верить не захотел, настоял на генетической экспертизе, и оказалось, что сидоровских генов у новорождённого – ноль целых и ноль десятых.

Естественно, он тут же развёлся.

Окончив институт и распределившись в один из проектных институтов, Сидоров женился во второй раз. Новой его избранницей стала миловидная чертёжница с красивым именем Ариадна и пухлыми чувственными губами. Кроме губ, которые и сами по себе вызывали у Сидорова душевный трепет и сексуальный восторг, у Ариадны были томные серые глаза, копна тёмно-русых волос и сногшибательные формы сорок восьмого размера. Как оказалось впоследствии, всё это богатство работало вхолостую, причём выяснил это Сидоров только через месяц после торжественного бракосочетания и последующей поездки в пансионат на Чёрном море.

Ариадна оказалась притворщицей. Она была лесбиянкой, а её притворства хватило только на месяц. Через месяц у неё начались ежевечерние головные боли, не позволяющие выполнять супружеский долг, а ещё через неделю Сидоров застал Ариадну на своём брачном ложе с рыжеволосой начальницей машинописного бюро института Александрой Толстун. Он, как вкопанный, остановился у порога спальни и не сразу понял, что за монстр, состоящий из двух задниц и множества конечностей, пришёл в его дом и расположился на кровати. А когда пересчитал количество ног и рук, и определил, что лишняя задница совершенно не похожа на мужскую, он как-то даже не расстроился, а развеселился почему-то.

– Гав! – крикнул Сидоров, и клубок, состоящий из двух женских тел, распался на две половинки.

Половинка, которая была Александрой Толстун, упала на пол, за кровать, но через секунду подняла голову и заморгала глазами. Вторая половинка, которая была Ариадной, натянула на себя простыню с поспешностью целомудренной невинности.

– Ты?..

– Как в анекдоте: муж раньше времени вернулся из командировки.

Любовница жены выползла из-за кровати, и собрав разбросанную на полу одежду, не произнеся ни слова, выскочила из спальни. Сидоров посторонился, пропуская рыжекудрую лесбиянку, и посмотрел ей вслед. Тело у Александры Толстун, несмотря на возраст, было стройным и гладким, как у модели, а на ягодицах розовели овальные пятна.

«Что им, мужиков не хватает, что ли?» – подумал он как-то отвлечённо, не об Александре, и не об Ариадне – обо всех лесбиянках, вместе взятых.

Потом закурил и сел на край кровати, но тут же подскочил, словно постель была заляпана краской, и он боялся испачкаться.

– Кто кого совратил? – спросил он просто так, ведь что-то надо было говорить, молчать в этой ситуации было бы совсем глупо.

Но и скандалить, в общем-то, не хотелось.

Ариадна промолчала.

– Даже соврать ничего не хочешь?

– Прости, – выдавила из себя Ариадна, – я такая...

– А зачем ты такая за меня замуж вышла?

– Хотела свою природу изменить...

– Не получилось?

Ариадна отрицательно качнула головой.

– Да-а-а, – задумчиво изрёк Сидоров, – природу не изменишь.

С разводом он тянуть не стал.

После Ариадны он решил, что больше никогда не свяжет свою жизнь узами брака. Женщин у него было в избытке. Были и вдовы, и разведёнки. Были соседки и сослуживицы. Случайные знакомые и знакомые его друзей. Были женщины, намного старше его, и совсем молоденькие и малоопытные в вопросах секса девчухи, выпускницы ВУЗов, молодые, так сказать, специалистки и даже студентки. Были и те, что за деньги, и те, которым был интересен сам процесс. Была даже одна крупная специалистка в области тантрического секса.

Но такой, как Катерина, у него никогда не было...

2

– Где это мы? – спросил Альфред, когда Сидоров подвёл его к двери в бывший кабинет начальника взрывного цеха.

Всю дорогу до приюта бомжей он брёл, как зомби, держась за рукав Сидоровского бушлата и механически переставляя ноги. Пока шли через развалины, а потом по цеху, он стал понемногу приходить в себя. На площадке второго этажа, перед дверью в приёмную, остановился и тупо уставился на пожелтевший от времени плакат с частично стёршейся надписью: «Наша цель – коммунизм!». Под этими словами находилась надпись, сделанная несколько позже – буквы яркие, но неровные. «Я (сердце) коммунизм», – было написано и нарисовано под лозунгом.

– Это мой дом, – пояснил Сидоров, – я здесь живу.

Снизу послышались тяжёлые неровные шаги, чередующиеся с жёстким дуплетным постукиванием, и через минуту на площадку поднялось существо с двумя оранжевыми костылями, похожее на большого паука.

– Окрошка? – удивился Сидоров, – Ты почему не на работе?

– Простыл я, Ляксеич. Мочи нету. Отлежаться бы малость.

– Сачкуешь, Окрошка? – сделал предположение Сидоров.

– Ни боже мой!

Окрошка специализировался на попрошайничестве, гримируясь то под калеку-афганца, то под инвалида-беженца. Сейчас у него на голове красовалось сооружение, напоминающее чалму, длинный стёганный халат был порван во многих местах, из прорех торчала грязная желтоватая вата. Единственная нога была обута в сапог с сильно загнутым носком, как у старика Хоттабыча. Опирался Окрошка на костыли и стоял на трёх опорах крепко и непоколебимо, как пират Джон Сильвер на палубе «Эспаньолы». Ногу Окрошка потерял в прежней жизни, но не на полях сражений, а по пьяни, переходя в неподобающем месте железнодорожное полотно.

Окрошка частенько говорил: «Эх, окрошечки бы сейчас покушать! Кисленькой. С настоящим квасом, домашним! С колбаской докторской, с огурчиком, с яичком, со сметанкой, с лучком, укропчиком. Эх-хе-хей!». Он всех достал перечислением ингредиентов этого блюда. Сам ты окрошка, говорили ему бомжи. Так и стал Окрошкой.

– Честно, Ляксеич! Ломает всего и горло болит. Глянь! – Окрошка раззявил пасть и высунул бледно-розовый язык, – И культя ноет, спасу нет. Видать, скоро морозы сильные грянут.

– Ладно, отлежись, – разрешил Сидоров, – я сегодня добрый. Видишь, родственника встретил, – Сидоров кивнул на Альфреда, тот пропустил слово «родственник» мимо ушей – не расслышал или не понял. – Так что болей на здоровье, Окрошка, – продолжил Сидоров. – но прежде, чем спать заваливаться, принеси-ка нам выпить чего-нибудь. Лучше водки.

– Водки?! – притворно изумился Окрошка, – Где же я её достану?

– Твои проблемы, – бросил Сидоров, открывая дверь в своё жилище и проталкивая Альфреда внутрь.

Сидоров правильно рассудил. Если Окрошка заболел, значит, будет лечиться, а «лекарством» он, наверняка, запаса для такого случая. Куда-то же он всё-таки ходил этим утром! Если не на работу, стало быть, до ларька на трёх ногах доскакал.

Самое популярное лекарство в среде бомжей – водка.

– Проходи, будь как дома, – сказал Сидоров, – квартира у меня большая, двухкомнатная. Даже трёх. Приёмная, кабинет и маленькая комнатка. В ней, наверное, прежний хозяин бухал или отлёживался с похмелья.

– Где мы? – снова спросил Альфред.

– В кабинете начальника цеха по производству легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ, сокращённо «взрывного» цеха бывшего завода «Искра». Ныне это предприятие приватизировали бомжи. А я – старший здесь. Можно сказать, директор завода.

– «Искра»?

– Ну, да. Было такое градообразующее предприятие.

– То-то, я смотрю, знакомо мне тут всё. Я же работал на «Искре» после института. Правда, недолго.

– Сюда садись, – Сидоров указал на лавку у батареи отопления, лавка была застелена ветхим лоскутным одеялом, – здесь теплее.

Альфред сел на лавку и дотронулся рукой до батареи, она была тёплой, почти горячей.

– Смотри-ка! – удивился он, – Отопление есть. Забыли отключить завод от теплотрассы?

– Да нет, не забыли. Отключили, а как же? Одиннадцать лет назад. А я кое-что предпринял и организовал подключение бытовок цеха.

– Вы?

– А что ты удивляешься? Я же по специальности строитель-тепловик. Наш инженерно-строительный закончил. Теплогазоснабжение и вентиляция. Вот и применил знания на практике.

– Но как вам это удалось? Вы что, тогда ещё не...

– Тогда я уже три года бомжевал.

– Но как?..

– Потом расскажу. Сейчас надо обедом заняться. Буржуйку растопить, консервы разогреть, то-сё.

Сидоров захлопотал возле буржуйки, разводя огонь, а Альфред Молотиллов с интересом принялся осматривать помещение, в котором очутился. Он хорошо помнил эту приёмную. Когда-то частенько сюда захаживал по долгу службы, но ещё чаще просто так, с секретаршей полюбезничать. Секретаршу звали Наденька. Альфреду в ту пору только-только исполнилось двадцать два, а Наденьке, кажется, и восемнадцати не было. Наденька очень нравилась молодому инженеру, но до серьёзной большой любви дело не дошло, не успели они: начались баталии с руководством завода по поводу перепрофилирования предприятия, а потом массовые увольнения, митинги недовольных и прочие горестные события. Накрыла Наденьку и Молотилова перестроечная волна и разбросала в разные стороны...

В приёмной было относительно светло – свет проникал через пыльное стекло, трещины в котором хозяин тщательно заклеил скотчем. Как позже узнал Альфред, окно приёмной оказалось единственным застеклённым окном на всём фасаде взрывного цеха. От одного угла к другому – по диагонали – был натянут провод, на котором сушились штаны камуфляжной расцветки и белая футболка с красной надписью на английском. На стенах висели плакаты, призывающие рабочего не терять бдительность и одновременно повышать производительность труда.

«Ну что ж, подумал Альфред, одно другому не мешает».

Из мебели, если не считать листа ДСП, установленного на кирпичных подпорках и служащего хозяину столом, здесь находилась только лавка, на которой он сидел, и буржуйка, Сидоров уже поставил на неё открытую банку тушёнки и чёрный закопчённый котелок с водой. На ДСП Сидоров постелил газету, поставил литровую банку с коричневыми переросшими солёными огурцами и полиэтиленовый пакет с подсыхшими изогнутыми кусками чёрного хлеба.

– Можно было б супчик организовать, да у меня корнеплоды закончились, – вздохнул Сидоров, – конечно, и с одними макаронами сошло бы, но это не суп, а баланда. Сегодня планировал картофана и морковки с луком добыть, да тебя неожиданно встретил... Зато у меня бананы есть, – он вытащил откуда-то из угла гроздь почерневших бананов, штук пять, – как ты к бананам относишься, а, Альфред?

Альфред хотел ответить, что к бананам относится положительно, и что вообще в вопросах питания он человек толерантный, особенно учитывая теперешнее бедственное положение, но тут в дверь деликатно поскреблись.

– Заходи, Окрошка, – громко сказал Сидоров, – принёс?

Окрошка запрыгнул в приёмную на одной ноге; костыли он, по-видимому, оставил в своей норе, но и без них выглядел не менее устойчивым, чем оловянный солдатик Андерсена. Халат и импровизированную чалму он тоже снял, и сейчас предстал перед Сидоровым и Альфредом во всей красе: в ярко-красной косоворотке и синих атласных шароварах, наверное, снятых с мёртвого запорожского казака или спёртых со склада реквизита в драмтеатре. Пустая штанина была поднята и заколота на бедре булавкой. В руках Окрошка держал поллитровку дешёвой водки с яркой ламинированной этикеткой. Чем хуже содержимое бутылки, тем красивее этикетка – закон равновесия, или, по научному, баланс.

– Вот! – протянул он Сидорову бутылку. – Как приказывали, Ляксеич.

Сидоров критически посмотрел на Окрошку, принял из его руки бутылку и сказал, цокнув языком:

– Красавец! Где такую одежду надыбал?

– Гуманитарная помощь из Канады. Вчера в миссии раздача была. Мне, как постоянному клиенту, лучшее дали.

– Ну, ладно, ты иди, Окрошка, отлёживайся, – отпустил его Сидоров.

– Полечиться бы... – неуверенно сказал Окрошка.

Сидоров хмыкнул, взял с подоконника щербатый чайный бокал и набулькал болезному граммов сто. Окрошка, вытянувшись в струнку и удерживая равновесие, выпил, крикнул, и, поблагодарив «Ляксеича», упрыгал из приёмной. Сидоров сходил в кабинет, принёс оттуда деревянный ящик, и, придвинув его к столу, уселся и разлил водку по ёмкостям.

– Ну, не чокаясь. Царствие небесное рабе божьей Катерине. Пусть земля ей пухом будет, – Сидоров выпил залпом, а Альфред вливал в себя водку медленно, глухо стуча зубами о край эмалированной кружки. Закусили, – ты ешь, ешь, Альфред. Не стесняйся.

– Спасибо...

Сидоров есть не хотел, утром плотно позавтракал, банку сайры съел и два варёных яичка, да кружку крепкого чая выпил. А Альфред был очень голоден, и поэтому ел много и торопливо, одновременно запихивая в рот и тушёнку с хлебом, и огурец, и банан.

«Как бы плохо ему не стало», – подумал Сидоров, и хотел слегка его тормознуть, напомнить о вреде переедания после длительной голодовки, но Альфред вдруг остановился сам и откинулся спиной на батарею.

– Всё, хватит, – объявил он, – так можно и заворот кишок получить.

– Давно голодаешь? – поинтересовался Сидоров.

– Не знаю. Не помню.... Дня три, наверное, совсем ничего не ел. Сегодня что у нас? Какой день?

– Среда сегодня. Второе ноября.

– Среда... – задумчиво повторил Альфред, – Катеньку в среду убили. Девятнадцатого октября...

И заплакал, затрясся весь. Полез в карман, достал оттуда грязный носовой платок и стал громко сморкаться. Сидоров плеснул водки.

– Выпей. Полегчает, – сказал он строго. – А потом всё мне расскажешь.

Они снова, не чокаясь, выпили. Альфред ещё долго плакал. Наконец успокоился, посмотрел на Сидорова воспалёнными глазами, сказал зло:

– Подонки! Твари! Деньги все отняли – чёрт с ними! Дом забрали, машины, всё, что было – пусть подавятся! Но убивать-то?

Альфред снова всхлипнул, попытался взять себя в руки. Сам налил себе и Сидорову. Выпил, стуча зубами. Перекрестился.

– Бандиты! Сволочи! – и всё-таки заплакал.

– Кто убил, знаешь?

Альфред кивнул. Он закрыл глаза, и сидел, не двигаясь, только губами шевелил. «Бандиты... Сволочи... Катенька моя...» – почти неслышно шептал Альфред, и слёзы текли по его щекам.

– Так, кто? – повторил Сидоров вопрос.

– Убивали какие-то отморозки. Сначала насильовали, четверо их было. Чеченцы, наверное. Чёрные, весёлые. Здоровые, кабаны. Сволочи! Натешились, потом ножом горло Катеньке перерезали.

– А ты где был, когда над Катей измывались? – зло спросил Сидоров, скрипнув зубами.

Он сжимал пальцы в кулак и с трудом разжимал их, он готов был ударить Альфреда в залитое слезами лицо. Чтобы в кровь! Чтобы белые и ровные зубы Альфреда повывлетали к чёртовой матери! Но бить не стал, сдержал себя. За что его бить? Что бы мог сделать этот хлюпик против четверых накаченных бычков? Ровным счётом ничего...

– Меня верёвкой к потолочной балке подвесили, а рот скотчем залепили, чтобы на помощь не звал. Катеньке тоже... рот... скотчем...

– И как же ты в живых остался? – подозрительно спросил Сидоров.

– Чудом. Отморозки эти дом бензином облили и подожгли. Следы преступления устранили, а меня заживо сжечь хотели. Когда дом запылал, огонь по потолку пошёл, верёвка тлеть начала, порвал я её. Хотел Катеньку... мёртвую из пожарища вынести, да не смог – крыша начала рушиться. Я через окно выскочил. Только отбежал на десяток метров, крыша рухнула. Сгорело всё. И Катенька сгорела... – Альфред обхватил голову руками и заскулил, как побитая собака, запричитал невнятно.

Сидоров достал из кармана пачку «Примы», закурил. Рука, держащая зажжённую спичку, дрожала.

– Где всё это произошло? – спросил хрипло.

– В Шугаевке, на Катиной старой даче, – сквозь слёзы ответил тот.

«На моей даче, – мысленно поправил Сидоров Альфреда, – стало быть, нет у меня больше дачи... Чего я говорю? Какая, на хрен, дача!..»

– Я их всех, до единого, запомнил, – говорил, глотая слёзы, Альфред, – всех до единого. Помню каждую бандитскую рожу.

– Зачем? Отомстить хочешь?

Альфред не ответил.

– Ладно, проехали. Дальше что было?

– Дайте мне сигарету, пожалуйста, Алексей Алексеевич, – попросил Альфред.

Сидоров вытащил из пачки гнутую сигарету, дал прикурить.

– Не Мальборо, – предупредил он, – глубоко не затягивайся.

– А! – Альфред махнул рукой, – Я ведь до Катеньки небогато жил. Всякую гадость курил – и «Приму», и папиросы... – Альфред глубоко затянулся... и тут же закашлялся, с непривычки к некачественному крепкому табаку.

Сидоров усмехнулся. После первой неудачной затяжки Альфред стал курить осторожно, вдыхая едкий дым маленькими порциями и сплёвывая табачные крошки, прилипшие к языку и губам.

– На дворе уже ночь была, – продолжил он рассказ, – я услышал, что к горящему дому люди бегут. Собаки лаяли... Я испугался, подумал: решат, что это я пожар устроил. Ушёл в лес, там утра и дождался. А потом в город пошёл... Не знал, что делать, бродил по улицам,

плакал... Меня в милицию забрали. Я им стал обо всём рассказывать, но мне не поверили. Посмеялись и выгнали. Решили, что я бомж, паспорт-то у меня чеченцы забрали...

Я тогда ещё побродил немного и сам в милицию пришёл, только в другое отделение – в наше, по месту прописки. Заявление у меня принимать не хотели. Потом к какому-то оперуполномоченному отвели. Я ему всё с самого начала рассказал. А меня в камеру... Четыре дня держали. А утром, в понедельник... какое же это число было? Двадцать четвёртое, кажется? Да, двадцать четвёртое октября. Выгнали меня из милиции. И по шее надавали... И пригрозили, что если ещё раз на глаза им покажусь, сильно пожалею... Ну, как же? Они же все, менты, купленные этими сволочами...

– Не все, – подумав о чём-то своём, тихо сказал Сидоров.

– Что?

– Ничего. Дальше рассказывай.

– Дальше... Думал, друзья помогут. Пошёл. Зря пошёл. Ко многим охранники даже на порог не пустили. Одного, на которого больше, чем на других рассчитывал, возле офиса подкараулил, но он со мной разговаривать не стал. В «Мерседес» юркнул и укатил. Наверное, эти сволочи всех, кто по бизнесу с Катенькой был завязан, и приятелей наших запугали.

– Чеченцы?

– Да, нет. Чеченцы – они обычные, рядовые бандиты... – Альфред поднял голову, и, зачем-то понизив голос, словно опасаясь, что их подслушают, сообщил Сидорову: – Я знаю, кто за всем этим стоит. Банк «Парус», точнее, один из его учредителей – некто Пархоменков Максим Игоревич.

– Банкир?

– Бандит он, а не банкир! Награбил денег, банк учредил. Его компаньон, Усков Андрон Ильич, тот финансист. Раньше в Сбербанке работал. А Пархоменков, он же Пархом – самый что ни есть, бандит.

– Пархоменков? Не помню такого. Из молодых, что ли?

– Лет тридцать ему, может, чуть больше. Но появился недавно, года два назад о нём говорить стали. И сразу – как о банкире, но он не банкир. Он бандит, даже разговаривает на жаргоне. Стрелка, братва, бабло, тёлка, короче, чисто конкретно...

– Так сейчас все говорят, – заметил Сидоров, – Особенно молодёжь.

– Нет, – покачал головой Альфред, – Пархом бандит. У него глаза, как у мёртвого: взгляд холодный и неподвижный. И вообще, лицо такое... такое... И улыбочка...

– Ну и как это угораздило Катерину с бандитом связаться? – с досадой в голосе сказал Сидоров. – Я помню Катерину, она баба рисковая была. Но чтобы с бандитами дела иметь, на это она никогда не шла. Дань платить платила, но и только.

– Катенька на малые проценты клюнула. Кредит в «Парусе» взяла. Хотела большую партию товара купить. Под этот кредит всё заложила: дом, машины, весь бизнес. Эх! Говорил я ей: «Проценты маленькие, да риск огромный». Просил не рисковать, уговаривал. Не послушала. Решила, как хотела.

– Она такая, – согласился Сидоров, и, вспомнив, добавил – была.

– Катенька эту сделку давно планировала. Фирма-поставщик вроде бы надёжная. Во всяком случае, казалась надёжной. Немецкая. Малоизвестная у нас, в России, но цены отличные, а качество товара немецкое. Мы с ней, с этой фирмой, четыре сделки провели до этого самого случая. Предоплату небольшую делали, от двадцати до двухсот тысяч евро. А потом сделка наметилась на двадцать два миллиона.

– Ого! – изумился Сидоров.

– Шесть миллионов шестьсот тысяч аванс, – продолжал Альфред, – тридцать процентов от суммы поставки, исключая транспортные расходы. Остальные семьдесят – по факту получения товара. Катенька сама в Германию дважды летала, и они, немцы, здесь были один раз.

Потом-то мы с Катенькой поняли, что это обычный кидок. Правда, тщательно подготовленный. И что кидок этот Пархом организовал. Фирма-поставщик испарилась, деньги наши пропали, товар, естественно, мы не получили...

– Классика! – сказал Сидоров, – А потом Катерине пришло уведомление из банка о срочном погашении кредита. Кредит-то наверняка на короткий срок оформляли?

– На месяц, – шмыгнул носом Альфред, – Катенька планировала большую часть товара – процентов восемьдесят пять – оптом сдать и кредит погасить. А оставшийся товар через собственные торговые предприятия в розницу реализовать... Мы рассчитывали на этой сделке два с половиной миллиона евро чистой прибыли получить.

А получили то, что получили, – хотел подытожить Сидоров, но промолчал: не тот случай ёрничать. Он посмотрел на Альфреда, тот сидел понурый, но тарачил глаза, наверное, борясь со сном.

– Выпьём? – предложил Сидоров.

Альфред безучастно кивнул. Выпили по чуть-чуть.

– Просчитал ваш Пархом Катерину, – сказал Сидоров, – видать, досье на неё собрал. Точно знал: баба рисковая, легко ради такой прибыли ва-банк пойдёт. Она ведь частенько нечто подобное совершала. Однажды, когда мы с ней только жить вместе стали...

– Нет, вы мне объясните, Алексей Алексеевич! – перебил Сидорова Альфред, – Убивать-то зачем? Ну, кинул, подонок, а убивать?..

– Концы обрубил – раз, – объяснил Сидоров, – и в назидание другим – два. Обозначил себя, как человека решительного и на всё готового.

– Человека?! Не человек он! Нелюдь! Упырь!

– Это, да, – согласился Сидоров.

– Как только земля таких носит? – срывающимся голосом вопрошал Альфред, – Нет в мире справедливости. Убить бы этого гада! Я бы сам его убил, если бы смог до него добраться. Горло бы ему перегрыз! За Катеньку...

– Его бог накажет, – рассудительно произнёс Сидоров и о чём-то задумался, добавил потом чуть слышно, – или кто другой...

Он разлил остатки водки, получилось помногу.

– А теперь давай-ка выпьем за твою везучесть, Альфред, – предложил Сидоров, подняв над столом кружку.

– Повезло так повезло, – мрачно согласился новоиспечённый бомж.

– Живой всё-таки.

– Лучше бы сгорел... – Альфред нехотя чокнулся с Сидоровым, и, так же нехотя, стал пить.

Но до дна выпить свою порцию не смог, оставил кружку и его всего передёрнуло. Едва не вырвало. А Сидоров выпил до дна.

– Везунчиком ты оказался, – сказал он, занюхав водку корочкой хлеба, – и не в том дело, что в даче моей не сгорел вместе с телом Катерины... Да, да, в моей даче, мне она от мамы в наследство досталась. И мы с Катериной долго на этой даче жили. Сначала, когда оборотные средства её предприятия увеличивали, потом когда дом строили... Но не в этом суть. Что не сгорел заживо – повезло. А ещё больше повезло, когда тебя из ментуры выперли. Не выпереть тебя должны были, а отвезти куда-нибудь за город и грохнуть по-тихому... Не пойму, почему отпустили. Наверное всё-таки к правильному менту ты попал. Как, кстати, фамилия опера, которому ты свою историю рассказывал?

– Смешная какая-то... Я уже не помню. Правило, что ли?

– Может быть, Мотовило?

– Точно! Мотовило. Мордатый такой. С рыжими усами. А вы что, знаете его, Алексей Алексеевич?

– Встречались... Слушай, Альфред, – Сидоров решил поменять тему разговора. – Может, на «ты»? Не на столько уж я тебя старше, чтобы ты мне выкал, да ещё по имени-отчеству величал. Ты с какого года?

– С семьдесят второго. В январе тридцать три исполнилось. Пятого января... Возраст Иисуса Христа!

– Вот видишь! А я с шестьдесят третьего. Февральский. Девять лет разницы, меньше даже. Кроме того, мы с тобой почти родственники. На одной бабе женаты были. Молочные братья.

– Хорошо, – тут же согласился Альфред, – иду на ТЫ! – как-то он резко опьянел, – Буду звать тебя Алексеем... Или братом... А ты не сердись на меня за Катеньку? На то, что я... ну, на твоё место?.. Что Катенька... что мы с ней...

– Не сержусь. Чего нам теперь-то враждовать. Тем более когда Катерины нет уже в живых.

– Нет, – пьяно подтвердил Альфред, – нет её больше... Нет бо-о-льше моей... нашей Катеньки... Катенька, она знаешь, какая бы-была? Знаешь, конечно... Она хо-о-рошая бы-была... Умная. И работать лю-у-била... А ещё она ве-е-сёлая бы-была, шутила часто... Пархома как-то назвала г-г-господином Пархоменко. А он ду-у-рак дураком, возмущается, говорит: Моя фамилия Па-а-рхоменков, у меня, гово-о-рит, «В» на к-конце. А она ему: А мне всё равно, что у вас на к-конце. Меня ваш конец со-о-ве-е-ршенно не ин-те-ре-сует...

– Да, нашла, с кем шутки такие шутить, – пробормотал Сидоров.

Альфреда совсем развезло, он уже болтал всякие глупости, сильно заикался, плакал, а то лез обниматься с Сидоровым или грозил невидимому Пархому перегрызть горло. Потом Альфред вырубился окончательно. Сидоров перенёс его из приёмной-столовой в кабинет-спальню и уложил на матрац. Под голову положил резиновую надувную подушку в розовой наволочке из плюша.

Альфред вдруг очнулся и пьяно посмотрел на Сидорова.

– Один из этих подонков, перед тем, как Катеньке горло перерезать, скотч ей со рта сорвал и говорит: «Ну что, сука, понравилось тебе?.. А знаешь, что у Пархома на конце? Да то же самое, что у любого мужчины». А она отвернулась от него и сказала тихо: «Прости меня, папочка...». Почему она так сказала?

– Не знаю. Спи.

– Я тоже не знаю, – бормотал Альфред, засыпая. – я Катенькиных родителей никогда не видел...

И я не видел, подумал Сидоров.

3

Вернувшись в приёмную, Сидоров, не спеша, убрал остатки еды, допивать не осиленную Альфредом водку не стал, поставил кружку на подоконник (проснётся Альфред, будет чем парню опохмелиться), закурил и стал вспоминать Катерину и все четыре года, прожитые с нею в радости и в печали...

Пожалуй, радости было больше. Да что там – гораздо больше!

У Сидорова никогда не было такой женщины. Нельзя было назвать Катерину красавицей: нос с горбинкой, к тому же большеват, да и рот не маленький, подстрижена коротко, по-мальчишечьи. И роста не модельного – от силы метр шестьдесят, но на каблуках ничего. Чёрненькая и смуглая, как мулатка. А глаза! Ах, эти чёрные глаза! Тёмно-карие, с какой-то дрессированной искоркой и чертовщинкой. Мимо Катерины можно было легко пройти и не заметить её затаившейся привлекательности. Даже если в эти чёрные глаза посмотреть. Они могли быть холодными и презрительными, а могли быть сияющими и призывными. А могли...

На той вечеринке Катя была при полном параде: в чёрном бархатном платье, полностью закрывающем грудь, но открывающем спину чуть ли не до самой поясницы, в туфлях на высоких каблуках-шпильках. На правом обнажённом плече – тоненькая узорная полоска татуировки. Из украшений – маленькая серебряная брошка на груди, эдакий паучок с крошечными циркониевыми крапинками на лапках, серебряные серёжки из той же коллекции, и серебряный же перстень на среднем пальце правой руки. Перстенёк особенный: к нему уголком был прикреплён ажурный треугольник, имитирующий паутинку и покрывающий внешнюю сторону кисти; основание треугольника крепилось к узкому браслету, туго охватывающему запястье.

Все дамы были с кавалерами, а Катерина одна. И Сидоров был один. Приятель Катерины, как Сидорову рассказал хозяин квартиры, перед самым праздником угодил в милицию за драку в ресторане, и восьмое марта вынужден был справлять в обезьяннике, в компании таких же, как он сам, дебоширов.

У Сидорова в данный момент вообще никого не было, он был совершенно свободен.

Их посадили рядом.

Поначалу Сидоров, как многие, не заметил во внешности соседки абсолютно ничего примечательного, никакого шарма, да внимательно её и не разглядывал. Мельком взглянул девушке в глаза, отметил про себя, что они большие и черные, запомнил имя и стал дежурно ухаживать: предлагал закуски, которые стояли на столе в пределах его досягаемости, наливал шампанское в её бокал и отпускал по ходу застольного разговора несмешные шуточки и дурацкие комплименты.

О том, что рядом с ним сидит женщина, которая вскоре станет для него единственной на всём белом свете, он и предположить не мог.

Всё было, как всегда: шуточные тосты (естественно, все за прекрасных дам!), шампанское рекой, коньяк, много водки, красная и чёрная икра, салат «оливье» и селёдка под шубой, шум, гам, хохот, громкая музыка, танцы, и уснувший на диване в соседней комнате, ещё до подачи горячего, хозяин квартиры. Сидорову приходилось бывать здесь, и не раз, так что знаком он был со многими гостями. В основном это были бизнесмены, владельцы торговых точек, с которыми он контактировал по вопросам реализации своей продукции – шампиньонов и вешенок.

Были здесь и «консерваторы», как Сидоров их называл – те, что запускали грибной неликвид в переработку: делали из него консервы, икру и грибную солянку. Таким «консерватором» являлся и хозяин квартиры – Александр Шульман, школьный приятель Алексея. Но Шульман у Сидорова брал не неликвид, а самый что ни есть качественный товар. Предприятие Шульмана производило замороженные полуфабрикаты (отечественная продукция, альтерна-

тива «Хортексу»), и шульмановсей бизнес, рано или поздно, должен был стремительно взлететь.

А пока особой популярностью в народе продукция Шульмана не пользовалась. Народ, забывший о патриотизме и не располагающий информацией о качестве импортной продукции, не торопился переходить на сторону отечественного производителя, и с удовольствием потреблял стероидные окорочка и генетически модифицированные замороженные овощи, грибы и фрукты. Шульман очень страдал по этому поводу и частенько находил утешение в рюмке. Вот и сегодня он «устал» раньше гостей.

Катерина была не охвачена Сидоровским бизнесом. Их и рядом-то посадили для того, чтобы они пообщались во время вечеринки, авось и спелись бы, договорились о чём-нибудь. Сидоров, выждав полчаса с начала гулянки, завёл с соседкой разговор о бизнесе вообще, с намерением перейти впоследствии к разговору о своём собственном бизнесе, а, затем и к конкретному предложению о возможном сотрудничестве, но Катерина мягко его осадила:

– Алексей, мы же выпили. Какой серьёзный разговор можно вести за праздничным столом? Лично я никогда не говорю о делах, когда хоть чуть-чуть выпила. И наоборот.

– Не выпиваете на работе.

– Именно. Вообще-то я почти не пью. Сейчас нам всем нужна трезвая голова.

– Золотые слова, – улыбнулся Сидоров и посмотрел на Сашу Шульмана, который ещё не ушёл спать в соседнюю комнату, но явно намеревался это сделать, пытался встать со стула, но у него получалось плохо, – извините, Катя, я вас покину ненадолго. Надо Сашу спать уложить.

Шульман жил один. Его жена, не желая ждать светлого будущего, ушла к пробивному торговцу сникерсами. Так что, кроме Сидорова, за степенью Сашиного опьянения следить было некому. Домработница у Саши была, но её задача – порядок и чистота в доме. Саша платил ей не очень большие деньги, а в таких случаях, как сегодня, на вознаграждение домработницы, которая была к тому же неплохим поваром, сбрасывались все присутствующие.

Саша и не думал сопротивляться. Он пьяно улыбался и говорил, пока Сидоров вёл его к дивану: Хорошие у тебя, Леха, грибы. Пахучие. Только на хрен они никому не нужны. Наши люди хотят покупать импортные поганки. Пусть они ничем не пахнут, пусть они вредные для здоровья, зато дешёвые.

– Ну, не такие уж они и дешёвые, – возражал Сидоров.

– Дешевле, чем твои.

– Хочешь сказать, что я цену задираю?

– Не-не-не, – замотал головой Шульман, – ты хорошую цену выставляешь. Я бы на твоём месте дороже продавал. Но... у меня ведь оборудование! Импортное! Его окупить надо. А поставщики пакетов? Такое впечатление, что они пакеты вручную клеят! И не из нефти их делают, а из чистого золота... А энергетики? Совсем озверели! А ведь мне твои грибочки заморозить надо. А потом хранить.

– А ты пакеты за границей купи, дешевле будет, – предложил Сидоров, – а грибы, пока холодно, можно на улице морозить.

– Ты так считаешь? – изумился Шульман и попробовал сфокусировать нетрезвый взгляд на переносице Сидорова. – Надо об этом подумать, – и вдруг заявил, ни к селу, ни к городу: – а Катька красивая!

– Да?... Не обратил внимания, – сказал Сидоров, – ложись-ка спать, дорогой товарищ.

– Очень красивая, – повторил Саша и моментально уснул, едва его каракулевая шевелюра коснулась диванного валика.

Сидоров вернулся в гостиную. Веселье было в самом разгаре. Шампанское уже почти никто не пил, в основном водку. Мария Марковна, Сашина домработница, пока Сидоров укладывал его спать, подала горячее – гору запечённых окорочков. Правда, от той горы уже ничего не осталось, блюдо стояло пустым посредине стола, только бесформенная лужица коричнева-

того жира на дне да жалкие ошметки куриного мяса и кожицы. Однако в тарелке Сидорова лежала его законная порция. Это Катерина за ним поухаживала.

Сидоров улыбнулся:

– Спасибо за заботу. Шампанского?

– У меня полный фужер.

Он сел на своё место, налил водки и только хотел поднести рюмку ко рту, как почувствовал на себе взгляд соседки. Сидоров медленно повернул голову в её сторону, и... трах-тебедох! Он словно выпал из реальности. Мир вокруг него исчез и переместился в некое иное измерение. Или он сам улетел в это самое измерение. Сидоров увидел глаза Катерины. Он и раньше знал, что они большие и чёрные, но сейчас Сидоров словно впервые увидел их красоту. Эти глазищи смотрели на него как-то по-особому. Непонятно, как. Не объяснить простыми словами и понятиями.

«Катька красивая» – вспомнились слова Саши Шульмана.

Нетронутую рюмку он поставил на стол. Катерина загадочно улыбнулась.

– Давайте уйдём отсюда, – предложил Сидоров; он вдруг понял, что не хочет водки.

И закуски не хочет, окорочка этого стероидного. И общаться ни с кем, кроме Катерины, не желает. Бред. Наваждение. Гипноз...

– Давайте, – снова улыбнулась Катерина, и вдруг сказала: – Вы мне сразу понравились, Алексей. Мне даже кажется, что у меня к вам чувство возникло. А у вас?

Вот так, сразу! Но Сидоров не был огорошен словами Катерины, ему понравилась её прямота.

– Мне тоже так кажется...

Если бы они были в состоянии заметить реакцию сидящих за столом людей, они бы увидели, что все смотрят именно на них, а кое-кто даже жевать перестал. Но Сидоров с Катериной ничего не замечали вокруг, они одновременно встали и направились к выходу.

– Вы что, уже уходите? – спросил кто-то из присутствующих, но вопроса они не услышали.

Едва оказались за дверью, Сидоров привлек к себе Катерину. Мелькнула дурацкая мысль: как же они будут целоваться – он, почти двухметрового роста и она, каротелька, метр с кепкой? Придётся ему колени подгибать, а ей на носках тянуться. Но всё получилось само собой.

Поцелуй их был долгим и таким удивительно вкусным, что Сидорову захотелось целоваться с Катериной снова и снова.

– Куда ты меня повезёшь? – спросила Катерина, едва он оторвался от её губ, – К себе?

– У меня бардак, – растерялся он.

– В каком смысле?

– В смысле – не прибрано...

– Ну, и что?

– Неудобно вести даму в квартиру, где царит беспорядок.

– Это ничего, мы не на экскурсию едем. Но кровать-то у тебя есть?

– Диван, но он раскладывается.

– Диван?.. Серьёзные дела на диване не делаются. А у нас, судя по твоей нервной дрожи, всё по-взрослому будет. Ладно, – решила она, – ко мне поедем. Правда...

– Родители?

Катерина усмехнулась:

– Я женщина самостоятельная. Живу одна.

– Так, в чём дело? Поехали.

– Ну, поехали.

С четвёртого этажа они спускались минут десять, потом ловили такси, потом долго ехали по названному Катериной водителю адресу, целуясь на заднем сидении потрёпанной «Волги»,

не в силах дожидаться момента, когда окажутся в спальне. Водитель гайморитно сопел и судорожно дёргал машину, переключая скорости. А Сидоров распалился до того, что чуть было всё не произошло прямо там, в такси. Если бы не Катерина, которая тоже была возбуждена, но не до такой степени безумства, как Сидоров, и, мягко перекладывая его ищущую руку со своей груди или колена на менее интимные места, застёгивала пуговицы весеннего кожаного плаща, только что расстёгнутые им.

– Ребята! – наконец не выдержал таксист, – Любовь дело хорошее. Но вы меня от процесса вождения отвлекаете. Я так, не ровен час, могу и врезаться.

– А ты не на пассажиров смотри, а на дорогу, – зло огрызнулся Сидоров, но всё же попытался унять страсть.

К счастью, они уже приехали. Сидоров щедро рассчитался с водителем, и, не ответив на ехидное пожелание удачи, устремился вслед за Катериной.

Добравшись до постели...

Нет, лучше об этом не вспоминать, решил Сидоров, которого подобные мысли подчас доводили до сумасшествия. Женщины у него не было более пяти лет, если не считать одного-единственного случая со взбалмошной девицей, сбежавшей из родительского дома, и в поисках приключений, или по глупости, забредшей сюда, на развалины.

Девицу звали Снежаной, и, как рассудил Сидоров, была она маленько с придурью. Сначала он решил – просто пьяная, но она и на следующий день была такой же, слегка не в себе. Как такое могло случиться, что он не сумел совладать со своими низменными инстинктами? Трахнул. Почти насильно. Снежана пыталась сопротивляться, но как-то не особенно активно, словно в игру какую-то играла, словно всё понарошку. А потом даже стонала от удовольствия и называла Сидорова «милым старичком» и «бородой»...

Стыдно. Теперь ему было стыдно за тот поступок. Но что было, то было – из песни слова не выкинуть. И этот случай из памяти не уходит. Разобраться, так никакого насилия не было. Просто заигралась девочка. Хотела приключений – получила! Винить, кроме самой себя, некого. Наоборот, не окажись Сидорова в то время на месте, так её бы бомжи по кругу пустили. Даже Окрошка бы отметился. А так Сидоров девицу от группового надругательства спас, впервые воспользовавшись статусом старшего.

Потом сам её следующей ночью, опасаясь, что Снежана всё-таки пойдёт по рукам, с развалин завода вывел и до дверей отчего дома сопроводил.

– Спасибо тебе, старичок, – поблагодарила она его на прощанье, – оттрахал ты меня качественно, от души, – и спросила, так, на всякий случай, – ничем меня не наградил? У вас, у бомжей, что угодно может быть, вы ж не лечитесь ни фига.

– А ты к венерологу сходи, – посоветовал он ей, – и тест на беременность сделай. У нас, у бомжей, сперма не стерильная.

«Старичок»!

Снежане он казался стариком...

Сидоров вышел из приёмной и спустился со второго этажа вниз. Там был цеховой туалет, естественно, не функционирующий; бомжи опраивались подальше от цеха, на развалинах, там, где определил Сидоров. Иначе в цехе было бы не продохнуть. А в цеховом сортире он организовал что-то наподобие прачечной и умывалки, и заставлял бомжей хоть два-три раза в неделю умываться, и хоть раз в месяц стирать свои вещи. Правда, кое-кто его указаниями пренебрегал – не умывался, не чистил зубы, не стирал ветхие обноски, и воняло от таких вполне конкретно.

В прачечной на стене висело треснутое зеркало, всё в ржавых пятнах коррозированной амальгамы. Сидоров придирчиво всмотрелся в отражение. Старик! Чего уж там! Лицо обвет-

ренное, в бороде седины полно. Волосы светлые, в них седина не так заметна, а борода темнее, на ней она ярко выделяется. Но не седая борода виной. Глаза, вот что делает его стариком.

Сидоров подошёл поближе к зеркалу. В глазах, даже становящихся внимательными, когда смотришься в зеркало, стояли тоска, усталость и боль. И мудрость пожившего человека, многое испытавшего на своём веку. Глаза – зеркало души, с этим не поспоришь.

Сзади раздалось Окрошкино цоканье.

– Ты почему не спишь, болезный? – спросил Сидоров у Окрошкиного отражения в зеркале.

– Не спиться, Ляксеич. Вот решил щетину срубить. Завтра афганцем в метро пойду. Вставать-то рано, пока доскачу на трёх ногах! Некогда бриться утром-то будет. А бриться надо. Беженцу со щетиной быть разрешается, воину-интернационалисту никак нельзя.

– Это точно, – согласился Сидоров.

Вдруг словно кто-то посторонний сказал за Сидорова:

– А у тебя, Окрошка, ножницы есть?

Сидоров даже сам удивился своему неожиданному вопросу.

– А то как же? А тебе, Ляксеич, зачем?

– Давай сюда. Бороду хочу подравнять.

Окрошка вытащил из потёртой женской косметички вполне приличные ножницы и протянул Сидорову. Тот, недолго думая, схватил бороду в кулак и стал кромсать её, только клочки пегой шерсти полетели.

– Ты это чё? – ужаснулся одноногий бомж. – Ты чё творишь, Ляксеич? Ты зачем?.. Ты... ты же весь свой авторитет...

– Не в бороде авторитет, Окрошка, – уверенно заявил Сидоров, – бритву лучше дай.

Через пять минут в зеркале отражался гладко выбритый мужчина средних лет с худошавым лицом и удлинённой причёской из светлых волнистых волос. Одежда на Сидорове была простая, бедноватая, и казалось чужой, совершенно не вязалась с лицом. Окрошка долго смотрел в зеркало на Сидорова, потом вынес вердикт:

– Говно.

– Ты так считаешь?

Окрошка склонил голову набок, выпятил нижнюю губу, оценивая.

– Конечно, говно. Был ты, Ляксеич, зрелым мужчиной, теперь ровно юнец желторотый.

– Ну, не такой уж и юнец, – задумчиво пробормотал Сидоров, придиричливо всматриваясь в своё новое, вернее, забытое старое лицо.

Отметил, что тёмные очки были бы кстати. Кажется, видел недавно неплохие солнцезащитные очки на ком-то из бомжей.

Поднимаясь в свои апартаменты, Сидоров размышлял над только что совершенном им спонтанном брадобрействе. С чего это вдруг он пошёл на поводу у своих совершенно необдуманных эмоций? С какого такого перепугу? Прожив сорок два года на грешной земле, испытав взлёты и падения, любовь и измену, страсть и разочарование, попробовав на вкус горечь утрат, он научился быть трезвым и расчётливым. Прежде, чем принять решение, он всегда рассматривал проблему с разных сторон, а уж потом...

Нет, Сидоров, сказал он себе, ничего не возникает на пустом месте. Каждый поступок, даже вроде бы неосознанный, имеет первопричину. До сегодняшнего дня он и не задумывался о том, как выглядит и сколько седины скопилось в его бороде... Сегодня он встретил Альфреда и услышал от него о смерти Катерины, узнал о Прохоре и чеченских отморозках. Дальше просто: Прохора нужно наказать. А кому это следует сделать? Ему, кому же ещё? Не Альфреду же Аркадьевичу, слабаку малахольному. В обличии бомжа отомстить Прохору не удастся, ведь надо близко к гаду подойти, вплотную...

Сидоров зашёл в «спальню». И там в окне сохранились стёкла, но только в верхних шипках, нижние были забиты фанерой. Свет падал спящему Альфреду на лицо. Альфред всхлипывал во сне, поскуливал, дёргал носом и губами, обнажая зубы. Щенок. Ну просто вылитый щенок. Жалкий, побитый, брошенный хозяйкой и уставший неприкаянно скитаться по улицам щенок. Спит и видит во сне своих обидчиков. А может быть, хозяйку...

– За что же тебя Катька полюбила?., – тихо сказал Сидоров.

Подушка в плюшевой наволочке совсем сдулась. Сидоров осторожно, чтобы не разбудить спящего Альфреда, вытащил её, придерживая голову, пахнущую гарью, надул подушку и снова засунул под голову.

– Спасибо, Катенька, – пробормотал Альфред во сне, и его губы растянулись в добродушной и немного глуповатой улыбке.

– Не за что, – усмехнулся Сидоров и добавил: – По-моему, не за что тебя любить...

...Они с Катериной занимались любовью весь оставшийся вечер и почти всю ночь, уснули только под утро. Но выспаться им не дали. Длинный, настойчиво длинный звонок в дверь, потом удары кулаком, а быть может, и ногами. Наверное, тот, кто хотел попасть в квартиру, был абсолютно уверен, что хозяйка дома.

Сидоров посмотрел на Катерину, она лежала с закрытыми глазами, но не спала: под такой грохот и звон не проснулся бы разве мёртвый.

– Я закрыла дверь на внутренний замок, – сообщила она, открывая глаза и вздохнула, – от наружного замка у него ключ есть.

– Он, это...

– Стас.

– Стас? Кто такой Стас?

– Мой любовник. Теперь бывший. Наверное, его выпустили из милиции.

– Так вот почему ты сомневалась: приглашать меня к себе или нет, – догадался Сидоров.

Катерина не ответила.

– Надо открывать, – сказала она, вставая и набрасывая на точёное миниатюрное тело шёлковый халатик, – иначе дверь вышибет.

В дверь барабанили.

– Чтобы всякие придурки не могли выбить дверь, надо железную ставить, – посоветовал Сидоров.

– Ты боишься?

– Я?!..

Катерина затянула поясок халатика и пошла открывать, а Сидоров натянул штаны и поспешил за ней.

В прихожей у входной двери стоял молодой мужчина довольно внушительных габаритов. Сидоров оценивающе изучал соперника с порога спальни, а тот его пока не замечал. Пожалуй, Стас был чуть выше Сидорова, рост которого не дотягивал лишь несчастных четырёх сантиметров до двухметровой отметки на ростоме. Выше и намного тяжелей. Вроде бы не толстый, но малость рыхловат. У отставного любовника были безумные голубые глаза, всклокоченные светлые с рыжинкой волосы, совершенно рыжие усы, вислые, как у руководителя ансамбля «Песняры» Владимира Мулявина. Лицо Стаса было покрыто красными пятнами.

Так, отметил про себя Сидоров, моя черноглазая малышка любит крупных блондинов.

– Ты почему... – Стас даже подавился от возмущения, – почему так долго не открываешь?

– Проходи, Стас, – спокойно сказала Катерина, – завтракать будешь? Или тебя в милиции покормили?

– Ты почему не открывала? Я, как... – Стас вдруг заметил Сидорова. Глаза его чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла. Он долго смотрел на соперника, а потом перевёл взгляд на Катерину, – ах ты, сука! Изменять мне вздумала со всякими козлами?

– Э, любезный! – Сидоров вышел в просторную прихожую и направился к Стасу. – Базар фильтруй.

– С тобой я позже разберусь, герой-любовник. А сначала... – Он занёс руку для пощёчины, – получай, сука!

Ударить Катерину Стасу не удалось: Сидоров был уже рядом, успел перехватить разящую руку, отметил, что противник достаточно силён. Раздумывать и пытаться унять экс-любовника словами Сидоров не стал, ударил резко, без замаха, но со всей силы, как в десанте учили – снизу в подбородок. Услышал, как клацнули зубы и хрустнули шейные позвонки от резкого рывка головы. Не убить бы только, подумал запоздало.

Повезло, Стаса он не убил, но вылетел тот из прихожей, открыв спиной дверь, как пробка из бутылки. Силой инерции пересёк лестничную площадку и ввалился в открывающуюся дверь лифта, подмяв под себя выходящую из кабины старушку.

– Убивают! – глухо запищала та из-под Стаса, – Хулиганьё! Наркоманы! – И попыталась высвободиться, выпинавая мужчину ногами и выталкивая руками.

Стас выполз из лифта и уселся на холодный и не очень чистый мозаичный пол площадки, трясая головой и массируя шею. Бабушка выскользнула из кабины вслед за ним, и, брызжа слюной, заголосила:

– Наркоманы! Алкоголики! Я этого так не оставлю! Я сейчас же в милицию позвоню! Пусть они приедут и всех вас к себе заберут!

– Не надо милиции, бабуся, – сказал Сидоров, – этот человек только что оттуда. Давайте решим вопрос миром.

Он наклонился, и, пошарив в кармане пиджака у сидящего на полу Стаса, вытащил бумажник. В бумажнике были только доллары, в основном, сотки, ни одного российского рубля. Ста долларов за беспокойство, пожалуй, бабуле много будет, решил Сидоров. С трудом отыскав пятидесятидолларовую купюру, он отдал её Катериной соседке, а бумажник вернул поверженному и мало что соображающему Стасу. Потом помог ему подняться, и, взяв под руку, спросил:

– Так что, завтракать будешь? Я не понял.

– Пидор, – сказал Стас, тупо глядя перед собой.

– Ты неисправимый сквернослов, – заметил Сидоров осуждающе.

– Хулиганьё! – ворчала старушка, тыча ключом мимо замочной скважины соседней двери, – В тюрьму бы вас всех... А тебе, Екатерина, я последнее предупреждение делаю: если ещё хоть раз, если хоть какой-то шум... И хватит уже на кровати скакать всю ночь! Вы что, дети малые? Твоя спальня через стенку от моей. А стены тонкие, слышать всё. Я полночи сегодня уснуть не могла.

– Извините, Серафима Юрьевна, – Катерина виновато опустила вниз чёрные очи, – я поставлю кровать на кухне. Ладно?

– И чего так скакать?.., – недоумённо ворчала бабушка Серафима.

Вспоминая тот случай, Сидоров улыбался.

А со Стасом позже они даже подружились...

4

Этот кошмар никак не мог закончиться. Альфред спал и видел сон, но, как большинство спящих, не понимал, что спит, считал происходящее явью. Кошмар казался бесконечным, как лабиринт, в котором он заблудился, спасаясь от чеченцев.

Он не видел преследователей, но знал: это чеченцы, и они гонятся за ним, чтобы перерезать горло острым, как бритва, ножом.

Узкий коридор лабиринта был освещён красным призрачным светом; чеченцы находились где-то рядом, или за ним по пятам. Он ощущал их присутствие, даже иногда слышал позади гортанные голоса. Увидев какое-нибудь ответвление коридора, Альфред тут же бросался туда, надеясь, что преследователи поворот не заметят и пройдут мимо. Но они, как собаки, чуяли, куда он повернул, и шли следом. Вдруг коридор закончился. Тупик. Сейчас появятся бандиты. Альфред с ужасом представлял себе, как один из них вытаскивает из ножен кинжал, и, попробовав сверкающее лезвие пальцем, говорит другому:

– Острый как бритва. Голову одним махом отсечь могу!

Всё! Это конец!

И вдруг... откуда-то сверху... голос Катеньки:

– Алик, иди сюда, я помогу тебе.

Альфред увидел тонкую изящную руку в лазе высоко над головой. Высоко, но можно дотянуться.

– Иди сюда. Держись за мою руку. Я помогу тебе забраться в этот лаз. И мы оба спасёмся. Здесь свет. Здесь много света. Это выход из подземелья. Мы спасёмся, Алик...

– Спасибо, Катенька, – сказал Альфред и уцепился за её руку.

Рука оказалась сильной и мускулистой.

Это не Катенькина рука, подумал Альфред, это мужская рука.

– Конечно мужская, – услышал он ответ на свои мысли, – я же мужчина. Держись, Альфред.

Это Сидоров. Алексей Алексеевич Сидоров, бывший муж Катеньки, который вдруг куда-то исчез. Нет, не сейчас, когда-то, Альфред не помнил – когда. Сидоров исчез, и никто не знал, где он и что с ним. А теперь, когда Альфреду была так необходима чья-то помощь, Сидоров вдруг появился. Появился, чтобы спасти его.

Альфред не понял, как быстро – один рывок, и он оказался в лазе рядом с Алексеем Сидоровым. На Сидорове был чёрный смокинг и галстук-бабочка. А на голове – белая вязаная шапочка. Такая, какие носят сварщики под маску-шлем.

– Алексей Алексеевич, а вы не сердитесь на меня за Катеньку? За то, что я... ваше место занял?

– Свято место пусто не бывает... Нет, не серджусь. Да и чего теперь-то, когда Катенька мертва.

– Катенька мертва?

– А ты что, забыл?

– Не забыл, – вспомнил Альфред, – помню. Они ей горло ножом перерезали. А теперь мне хотят перерезать. Бежим! Они уже близко.

– Беги.

– А вы?

– Я здесь останусь. Не привык я от опасности бегать. Да и очень уж хочется с этими черножопыми потолковать на их родном языке.

– Вы знаете чеченский язык?

- Я знаю, что такое хорошая драка.
- Но у них ножи! Они убьют вас!
- Лучше умереть, чем убийц без наказания оставить.
- Тогда и я с вами.
- Хорошо. Если решил, за мной!

И Сидоров прыгнул из лаза в коридор, встал у стенки. Альфред посмотрел вниз, было высоко и очень страшно.

- Ну, чего ты застрял? Прыгай!
- Альфред зажмурился и...

Проснулся.

Голова сильно болела.

Он лежал на матрасе, под головой – резиновая надувная подушка.

Альфред всё вспомнил. Это кабинет начальника взрывного цеха завода «Искра». Бывшего завода. Теперь кабинет принадлежит Сидорову Алексею Алексеевичу. И не только кабинет, но и весь завод, точнее, его развалины. Сидоров – первый муж Катеньки, а теперь бомж. И он, Альфред, теперь тоже бомж.

Постанывая от жуткой головной боли, Альфред встал с матраса, и, покачиваясь, пошёл в приёмную, где некоторое время назад они выпивали с Сидоровым, и где он рассказывал Сидорову о том, что с ним произошло. С ним и с Катенькой.

Открыв дверь и увидев человека, сидящего у окна на лавке, он опешил. «А где Сидоров?», хотел спросить Альфред, но тут же понял, что человек перед ним и есть Сидоров.

На Сидорове был добротный костюм, серый в тонкую красноватую полоску, голубая рубашка и тёмно-бордовый галстук. Галстук был повязан по моде, ушедшей в небытие лет пять-шесть назад: узел тугой, на галстук ни одной морщинки. Сейчас так не носят, – подмывало сказать Альфреда.

Сидоров был гладко выбрит и казался моложе, чем в момент их неожиданной встречи, моложе лет на десять. Он сидел на лавке разутый, ноги, носки на которых были одного цвета, но отличались оттенком, он поставил на расстеленную газету. А в руках Алексей держал разбитые кроссовки. Куча тряпья валялась рядом на лавке. В куче просматривались камуфляжные пятна одежды, которая прежде была на Сидорове.

Подняв глаза на Молотилова, Сидоров сказал, показывая кроссовки:

- Немного не соответствуют остальному прикиду, не находишь?

Альфред молча кивнул.

– Из обуви только это, валенки, резиновые сапоги и ботинки-говнодавы. Но те... совсем никудышные. Что, спрашивается, делать?

- Не знаю, – растерянно ответил Альфред.
- Не знаешь? А ты роман Николая Гавриловича читал?
- Какого Николая Гавриловича?
- Чернышевского.
- «Что делать?»? Нет, не читал.

Сидоров вздохнул:

– Жалко... Честно признаться, и я не читал. Пытался, но... эту тягомотину читать невозможно. Думаю, её вообще никто не читал, все только название и знают. Да ещё про сны Веры Павловны. Сны были, а о чём... тоже никто не знает.

Сидоров аккуратно поставил кроссовки под лавку.

- А вы... – начал Альфред.
- Мы же договорились! – перебил его Сидоров.
- Не понял.

- Мы договорились на «ты».
- А... ну да. А ты почему так одет? И бороду сбрил. Почему? У тебя праздник?
- В гости собираюсь. Не идти же в этом! – Сидоров указал на кучу тряпья. – Неудобно идти в гости небритым и в повседневной одежде.
- В гости? Так может, мои туфли наденете... наденешь?
- Твои? – Сидоров с сомнением посмотрел на покрытые пылью и рыжими пятнами глины, модельные туфельки Альфреда, – Вряд ли. У тебя какой размер?
- Сорок первый. Они, правда, грязные, но я почищу.
- Не пойдёт, я сорок третий ношу. Ладно, ничего, скоро народ подтягиваться начнёт, что-нибудь отыщется... Кстати, – Сидоров приподнял манжет сорочки и взглянул на ручные часы. Альфред не разглядел марку, но по блеснувшему золотом браслету и такому же корпусу можно было предположить, что это не тайваньская штамповка, явно дорогой хронометр, – кстати, кое-кто из моих бомжиков, наверняка, уже пришёл домой. Надо Окрошку озадачить. Эй, Окрошка! – Сидоров стукнул кулаком по стене.
- А верхняя одежда? – спросил Альфред. – Пальто или куртка?
- Пальто у меня есть.
- А откуда это всё? – недоумевал Альфред.
- Из прежней жизни.
- Так, может быть, у вас и паспорт есть?
- У тебя, – поправил Альфреда Сидоров, – паспорт у меня тоже имеется, но он просроченный, вернее, старого образца. Теперь паспорта другие, как ты знаешь. Ну да ладно. В гости же собрался. Частный, так сказать, визит. Не в государственное учреждение.
- В дверь поскреблись.
- Заходи, Окрошка. У меня для тебя поручение имеется.
- Внимаю, Ляксеич... О, блин! – Окрошка застыл на пороге, как соляной столб, вытаращив глаза и открыв рот от изумления. Он на время потерял дар речи, – А где... товарищ Сидоров?
- Не придуривайся, Окрошка, – сказал Сидоров.
- Ляксеич?
- Да я это, я.
- Ляксеич. Зачем ты это?.. Ты покинуть нас решил? Почему? Чем мы перед тобой провинились? Что не так сделали?.. А этого, – Окрошка указал на Альфреда и сверкнул глазами, – этого родственника вместо себя?! Так не пойдёт. У нас какая-никакая, а демократия...
- Нет, Окрошка, не покидаю я вас. Всё будет по-прежнему. Схожу кое-куда и вернусь. Дело у меня в городе образовалось.
- Не врешь?
- Не вру. Куда я от вас денусь? Говорю же, дело одно сделаю и снова стану бороду отращивать.
- Ну, это... тогда ладно. Дела, оно понятно...
- Так что? Внимаешь?
- Внимаю, Ляксеич!
- Коцы мне нужно сорок третьего размера. Более-менее приличные. Прямо сейчас. Кто-то из наших дома находится? Кто уже из поиска вернулся?
- Малыша видел, Серёгу Потоцкого, Сестёр Звягинцевых – Ваньку и Андрюху. Ну, Бирюк здесь. Где ему быть ещё? Кстати, Ляксеич, Бирюк совсем оборзел, на работу конкретно забил.
- Окрошка! – укоризненно произнёс Сидоров, – Ты забыл, сколько лет-то ему? Скоро восемьдесят.
- Пенсионер! – презрительно сказал Окрошка, – Что-то пенсии его я в упор не вижу.

– Он по-другому своё пребывание здесь отрабатывает. Кто с бандитами связь поддерживает? Кто нас от наездов и от выселения с завода спасает? Не Бирюк, так не жить бы нам тут в тепле и уюте... Ну, ладно! Отвлеклись от темы.

Окрошка насупился.

– Твоё слово – закон. Что я, не понимаю, что ли, – смирился он. – Ладно, пойду, поспрошаю.

– Иди.

– Ещё что-нибудь надо?

– Пока только туфли.

– Тогда я пошёл.

– Иди.

Когда Окрошка вышел, Альфред спросил:

– Алексей, я не понимаю, объясни: если у тебя есть паспорт, пусть просроченный, но ведь его и поменять можно, если тебя никто не преследует, если тебе есть что надеть на себя...

– Почему я бомжую? Почему не возвращаюсь к нормальной жизни? Ты об этом хотел меня спросить?

– Да! – Альфред закивал головой, – Да! Почему?

– Долго рассказывать, Альфред. Да, и не хочу. Настроение не то.

Как это объяснишь? Это надо самому пережить. Вообще-то, Альфред тоже многое пережил. Возможно, он и понял бы его, но... Не хотел Сидоров выворачивать душу наизнанку. Не в его это правилах: рассказывать людям, даже близким, о своих слабостях, и ждать сочувствия и понимания. Зачем? Каждый человек делает то, или иное, потому что он – это он. Каждый поступает по-своему. Так, как считает нужным. А потому он и понять до конца чужую боль не сможет. А если поймёт, то не так. По-другому, по-своему. Или сделает вид...

5

Так думал Сидоров, выходя из развалин и направляясь в город.

Не впервые Алексей задумывался о своей жизни, деля её на два неравных куска. Совершенно неравными были куски. И по длине и по весу. Один кусок, или жизненный отрезок, длился с момента рождения до третьего ноября двухтысячного. Тридцать семь лет и девять месяцев. Второй отрезок был короче – всего каких-то пять лет. Завтра будет ровно пять лет, как он бомжует. Но эти пять были тяжелее тридцати семи с хвостиком.

Почему он стал бомжом? Потому что третьего ноября двухтысячного года он умер. Не в прямом смысле, всего лишь в переносном, но умер. Нужна ли мёртвому прописка, работа, друзья-приятели? Нужно ли мёртвому стремление к чему-либо, кроме, как к хаосу? Стремление одно: поскорей сгнить и стать ничем...

Сначала он был мертвецки пьяным. Неделю? Месяц? Он не знал, сколько времени продолжался запой. Сидоров пил и дни не считал. Деньги, которыми был набит бумажник, закончились, он стал пить в долг. Ему не отказывали, так как знали: Сидоров отдаст. Потом кое-что узнали и поняли: не отдаст. Нечего ему отдавать, лишился мужик всего. Алексей Алексеевич Сидоров – нищий! Жена Катька-сука кинула, вышвырнула из дома и с работы. Из жизни мужика вышвырнула.

Сидорова пожалели, простили водочные долги, но наливать больше не стали.

Очнулся он в каком-то подъезде. В костюме, в пальто кашемировом, но без шапки и почему-то без туфель. Где он потерял туфли? Дорогие, из натуральной качественной кожи. А чёрт их знает! Может, снял с него, спящего, какой-нибудь бомж? Скорей всего. Часы не снял, не обшарил карманы... Спугнули, наверное.

Выполз Сидоров на белый свет, а вернее, в тёмную ночь, нашёл возле мусорного контейнера выброшенные кем-то рваные ботинки, размера на два больше, и отправился куда глаза глядят. Нет, глаза не глядели, он вообще не видел и не соображал – куда идёт-бредёт.

Глаза не глядели, а ноги, обутые в чужие ботинки сорок пятого размера, несли его куда-то и принесли в монастырь.

Этот монастырь был Сидорову хорошо известен. Они с Катериной изредка поставляли сюда, в порядке благотворительной помощи, залежалый товар, срок годности которого должен был в скором времени закончиться, а иногда – небольшие суммы наличных Сидоров передавал лично в руки настоятеля монастыря, когда сотню баксов, когда баксов пятьсот. На этом Катерина настаивала. Может, какие-то грехи замолить хотела? Кто знает? Сам-то Сидоров в бога не верил, а потому не одобрял Катерину благотворительность. Но не одобрял молча. Он с Катериной никогда не спорил. Потому что любил.

На стук в ворота вышел монах, лица которого Сидоров не помнил, но сам он монаху был явно известен.

– Алексей Алексеевич? – удивился монах ночному гостю, – Что с вами? Ночью, без шапки?

– Погреться пустите?

– Конечно!

Монах отвёл Сидорова к настоятелю. Тот не спал, молился.

Сидоров всё ему рассказал, ничего не скрыл. О том, что пьёт уже давно и много, и почему пьёт, рассказал, о Катерине и о том, что всё потерял: деньги, работу, дом, веру в любовь, и теперь не знает, что делать и куда идти.

– Иди надо к Богу, – посоветовал настоятель монастыря, – путь к Богу самый правильный, и на пути том понимание, а в конце – истина.

– Не могу я к Богу, не верю я в него. Крещённый, но не верю.

– Думаешь, все церковнослужители и все монахи в Него верят? Нет, не все. Далеко не все. Но хотят верить и по пути веры идут.

– А я не хочу так. Без веры. А веры у меня не может появиться ни в конце, ни в начале пути. Я ведь в советской школе учился, у меня с детства атеизм в мозгах, и ничего другого там поселиться не может. И в институте я не Закон Божий, а исторический материализм изучал. Я книжки читал разные. Про космос. Уверен, что негде там Богу жить. Где там рай? А ад где? Под землёй? Нефть там, под землёй, газ, и прочее дерьмо.

– В Бога не веришь, в Высший Разум поверь.

– В Высший? Я и со своим-то разобраться не могу.

– Разум твой – потёмки.

– Потёмки, – согласился Сидоров.

И ушёл из монастыря, не вняв совету настоятеля. Простокваши попил, отогрелся и снова ушёл в ночь.

Он так и не решил – куда идти. На пути оказалась железнодорожная станция. Остаток ночи Сидоров скоротал на вокзальчике, а утром, когда подкатила первая электричка, вдруг подумал: ведь у него есть дача, и до неё минут двадцать езды. Там есть печка, и запас дров, продукты кое-какие остались. Правда, два года они там хранятся, крупа и макароны давно испорчены мышами, но соль, мука и сахар засыпаны в стеклянные банки с притёртыми крышками, а жестяные консервные банки мышам не по зубам. Денег на проезд не было, но он запрыгнул в электричку и зайцем доехал до Шугаевки.

Почти сровнявшиеся с уровнем земли грядки и едва заметные дорожки между грядками были припорошены снегом, а домик ему показался убогим и вросшим в землю чуть не по самые окна. Впрочем, таким он и был, щитовой домик, выстроенный ещё его покойными родителями. Когда они с Катериной жили на даче, продав обе квартиры – его двушку и её трёшку, – чтобы увеличить оборотные средства Катериного предприятия и вложить их в бизнес, они наняли каких-то алкашей, и те, за совсем маленькие, по тем временам, деньги (девяносто шестой год), утеплили дом изнутри и кое-что поправили снаружи. Так что, на даче можно было легко пережить зиму. Печка есть, а за домом дровник с приличным запасом берёзовых чурок.

...Счастливыми были эти два года, которые они с Катериной прожили здесь, в стареньком дачном домике. Пожалуй, самыми счастливыми в жизни Сидорова. Правда, небогато жили, деньги приходилось экономить, запуская большую часть в оборот, либо аккумулируя их в наличной форме для того, чтобы в скором будущем, по замыслу авантюристки-Катерины, совершить гигантский рывок к вершинам благополучия. Питались, большей частью, консервами, ездили всегда вдвоём на стареньком раздолбанном жигулёнке пятой модели, так как и Катеринин «Форд» и Сидоровскую «Висту» тоже продали, преследуя всё ту же цель: максимально увеличить оборотные средства Катинного предприятия. С этой же целью и бизнес свой Сидоров продал Шурику Шульману, чем немало его порадовал, и даже, можно сказать, облагодетельствовал, так как у Шульмана появились дополнительные возможности оптимизации затрат.

От комфорта Сидоров отвык, точнее, перестал обращать внимание на его временное отсутствие. Ведь комфорт – это не главное! И потребление деликатесных продуктов – не главное, и модная одежда, и престижность автомобиля – ерунда, если у них было то, что они считали для себя самым важным – любовь. Именно в те годы Сидоров понял, что Катерина – женщина всей его жизни, что все, кто был до неё – ничто, призрачные тени, и что кроме Катерины он никого и никогда не полюбит. Поговорка «с милым рай в шалаше» оказалась не пустым звуком.

Они любили друг друга до умопомрачения, до беспамьятства, и если бы не более трезвый, чем у Сидорова, ум его любимой, кто знает, до чего бы могла довести такая любовь? Катерина умела быстро переключаться с любовных утех, отложив их на вечер, к делам. Сидоров всегда поражался этой её способности. Катерина никогда не забывала о своих планах. Она называла их «наши планы», и Сидоров верил, что они действительно общие. Он вообще безоговорочно верил Катерине, потому что всё, что она задумывала, обязательно сбывалось.

Самая большая удача произошла в августе девяносто восьмого после дефолта, в результате которого многие их конкуренты обанкротились, а Катерино предприятие выжило. И не просто выжило!

С самого начала лета Катерина принялась усиленно изымать деньги из оборота и превращать их в валюту. Она хотела в очередной раз сыграть ва-банк, закупив за чёрный нал крупную партию товара. И на этот раз не просчиталась, хотя предвидеть того, что произойдёт восемнадцатого августа, она, естественно, не могла. О дефолте никто ничего не знал, даже слова-то такого!..

Цены взметнулись вверх, рубль превратился в пар, а они с Катериной жили на даче, неистово занимались любовью, а под кроватью валялся, ожидая своего часа, чемодан, набитый долларами.

Когда всё слегка улеглось, и народ, как бы нехотя, стал тратить деньги, причём пока исключительно на кормёжку, Катерина поднялась с мятых простыней, потянув за собой и Сидорова, вытащила из-под кровати чемодан и с головой окунулась в работу. Первая же сделка принесла им немалую прибыль. Семьсот процентов! Если в додефолтовом эквиваленте. Как в смутные времена начала горбачёвской перестройки.

Катины магазины, практически не работавшие несколько месяцев, вновь стали функционировать на полную катушку. Крутить колесо бизнеса, когда конкурентов на горизонте не наблюдается – сплошное удовольствие, и формула «товар – деньги – товар» работала исправно, но несколько видоизменилась. Теперь она звучала иначе: «деньги – товар – деньги», хозяином положения был тот, у кого были чёрные и одновременно зелёные купюры. У них с Катериной таковые имелись.

Некоторое время они ещё жили на даче, пока строился их дом в престижном коттеджном посёлке.

...Открыв дверь ключом, который, как всегда, лежал за притолокой, Сидоров, не раздеваясь, завалился на кровать и уснул. Спал долго, пока не замёрз. Проснувшись, затопил печку и проверил состояние запасов. Естественно, мыши сожрали всё, что смогли, но мясных и рыбных консервов он обнаружил четыре коробки – три с говяжьей тушёнкой и одну с сайрой. Консервы они завезли сюда с Катериной. Хотели потом забрать и отвезти в магазин, но забыли. Мука, сахар и соль тоже имелись. Кроме этого богатства, в шкафу на кухне он нашёл две банки сгущённого молока и большую банку «Макконы».

Но, самое главное: в членской книжке садового общества, которую Сидоров обнаружил там, где ей и положено находиться – за счётчиком, лежала тысячерублёвая купюра. Он вспомнил, что прошлой осенью собирался заплатить за электроэнергию и внести членские взносы, но правление в тот день, когда он приехал в Шугаевку, по каким-то причинам оказалось закрытым. Он хотел приехать позже, а деньги так и остались в книжке, приготовленные к оплате. Книжку он сунул за счётчик. А потом замотался, ехать на дачу времени не было, и он перегнал деньги безналом на расчётный счёт садового общества. Заплатил за два года вперёд.

Взяв эту тысячу, Сидоров сходил в сельпо и купил на всю сумму макаронных изделий, перловки и растительного масла. Он готовился к долгой зимовке.

Состояние, в котором находился Сидоров, было похоже на состояние человека, погружённого в гипнотический транс. В основном, он валялся на кровати и лениво думал. Устав

думать, засыпал, а проснувшись, снова думал. Но, и думать не хотелось. Шевелил извилинами лишь потому, что ничем другим шевелить не имел желания. Им овладела жутчайшая депрессия. Вставал с кровати Сидоров редко, только когда понимал, что если сейчас не встанет и не поест чего-нибудь, может уснуть и не проснуться. Но, сварив кашу или макароны, и открыв банку тушёнки, он клевал чуть-чуть и выносил всё на крыльцо, чтобы не прокисло. Есть совершенно не хотелось, даже противно было смотреть на еду.

Кашу и макароны моментально склёвывали зимующие птицы, а тушёнку съедал наглый и большой, как собака, серый котяра, живущий у сторожа и постоянно разгуливающий по всему садовому обществу в поисках приключений. Иногда этот котяра, как привидение, возникал перед кроватью Сидорова, хотя входная дверь и окна были всегда закрыты. Как он умудрялся проникать в закрытое помещение, оставалось загадкой. Сидоров молча глядел на непрошеного гостя, но встать и прогнать желания не возникало, лень. Кот словно знал, что его не тронут, и разгуливал по комнате, как хозяин, нагло залезал в шкаф и в сервант, а то уходил на кухню и чем-то там шебуршал, проводя ревизию продуктов.

Сидоров думал обо всём и ни о чём.

Иногда ему вспоминалось то, чего вспоминать он не хотел.

Сидоров никогда не изменял Катерине. Но однажды...

Девушку, которой так глупо и неожиданно для себя увлёкся Сидоров, звали Светланой. Она недавно устроилась к ним работать по рекомендации одного из Катиных партнёров по бизнесу. Работать в фирме Екатерины Великой, как называли Катю за глаза, было престижно, и Светлана местом своим дорожила. Именно по этой причине и не состоялся их роман. Кто-то доложил Катерине о преступных замыслах супруга, скорей всего, директриса магазина, а может быть, и сама Светлана.

В тот злополучный вечер Сидоров, будучи немного навеселе, пригласил Светлану на ужин в ресторан. Но девушка не пришла в назначенный час. Вместо неё в ресторане появилась Катерина. И не одна, со своим новым коммерческим директором Альфредом Аркадьевичем Молотиловым. Альфред себя чувствовал явно не в своей тарелке. На его лице читалось смущение, и он наверняка понимал, что приглашён начальницей в качестве статиста, что он был первым, кто просто-напросто попался ей на глаза.

Подожли они под ручку к столику, за которым одиноко сидел Сидоров, и Катерина, прищурив глаза, отчего стала похожа на японку, сказала с издёвкой:

– А Светик твой не придёт. У неё именно сегодня начались критические дни. Такая неожиданность! Ты огорчён, любимый?

Сидоров не стал оправдываться и врать, аккуратно положил на стол несколько купюр, расплачиваясь за несъеденный ужин, и молча вышел из ресторана.

Он завалился в казино и играл там в «Блэк Джек» до середины ночи, опровергая народную мудрость, что если не везёт в любви, обязательно повезёт в картах. Проиграл он всё, что у него было в бумажнике и ещё тысячи полторы, которых в бумажнике не было. Карточный долг – святой долг. Сидоров направился домой, чтобы взять из своего личного сейфа тысячи три зелёных – вернуть долг и продолжить игру.

Катеринин «Пежо» стоял во дворе, значит, она дома. Спит, так думал Сидоров, тихо открывая ключом входную дверь.

Взяв деньги, он уже собирался уходить, как вдруг из спальни до него донёсся до боли знакомый протяжный стон. Это Катерина стонала, и явно не от боли. Она всегда так стонала, испытывая оргазм.

Сидоров сразу всё понял. Он присел на краешек дивана, трясущимися руками достал сигареты, закурил. В спальню он подниматься не решился, боялся увидеть то, чего видеть не хотел.

Надо было бы встать и потихоньку уйти, но ноги не слушались. Он сидел, курил, и чувствовал, как его душу заполняет холод, вытесняющий всё, что там было до того, как он услышал стон. Сигарета быстро сгорала, пепел падал на ковёр и на его брюки.

Катерина вышла из спальни, Сидоров услышал её лёгкие шаги у себя над головой на втором этаже, и, пересилив себя, встал. Он хотел покинуть дом незамеченным, но Катерина, по-видимому, уловив запах табака, быстро спустилась вниз. Она была абсолютно голая. Её красивое тело, на которое Сидоров никогда не мог смотреть без мгновенно вспыхивающего дикого желания, теперь вызвало в нём отвращение. Отвращение и какое-то удушье. Его чуть не стошнило.

– О, любимый! – притворно изумилась Катерина и странно улыбнулась, улыбка показала Сидорову похабной, – Я думала, что ты закончишь игру не раньше четырёх. А теперь только... – она взглянула на большие настенные часы с маятником, стоящие в углу холла, – без четверти четыре. Неужели все деньги проиграл?

Сидоров не ответил. Он понимал, что её слова – игра, что Катерина хотела этого, хотела, чтобы он застал её с любовником. Чтобы больней! Чтобы насмерть.

Окурок припалил пальцы, Сидоров бросил его на пол и растёр ногой.

– Зачем? – выдавил он из себя, – Зачем ты это сделала?

– Ты о чём?

– Брось. Я же не полный идиот.

– Полный, – возразила Катерина, – к сожалению... Только полный идиот может променять меня, – она резко и гордо вскинула голову и её тугие, почти девичьи груди подпрыгнули вверх, как два теннисных мячика, – на смазливую малолетку.

Сидоров мог бы возразить, сказать Катерине, что он ей не изменял, и что он... Нет, это выглядело бы очень глупо, ещё глупей, чем признаться в измене.

– И ты решила изменить мне в отместку, – пробормотал он.

– Изменить? Нет, дорогой, я тебе не изменяла, я просто решила тебя заменить. Хочешь узнать на кого?

– Нет. Не хочу, – ответил Сидоров.

– А я хочу, чтобы ты знал. Альфред! – громко позвала она своего любовника, – Спустись-ка в холл.

– Альфред? – удивился Сидоров, – Ты изменила не только мне, ты ещё и вкусам своим изменила.

– Я тебе не изменяла, – повторила Катерина. – Мне некому было изменять. Ты перестал для меня существовать с того момента, как я узнала о твоих похождениях.

«О каких похождениях?!» – хотел закричать Сидоров.

– Если напряжёшь память, ты вспомнишь мои слова, – продолжала Катерина, – которые я тебе сказала в день нашего венчания. Ну же, напрягись!

Сидоров помнил. Она сказала тогда ему в ответ на его клятву любить вечно, что никогда не простит, если в его жизни появится другая женщина. Даже в том случае, если это будет с его стороны сиюминутным увлечением. И повторила по слогам: «НИ-КОГ-ДА!».

– А вкусы? – Катерина пожала обнажёнными плечиками. – Не в этом дело. Альфред Молотиллов прекрасный коммерсант и неплохим любовником оказался, – И добавила с язвительной улыбкой, чтобы добить, – кстати, лучшим, чем ты, дорогой.

– Врёшь! – выдохнул Сидоров, – Врёшь, тварь!

Катя снова пожала плечами и не ответила.

Альфред долго не спускался к ним, наверное, опасался быть покалеченным законным супругом Екатерины Великой. Наконец спустился по лестнице полностью одетый, даже про галстук не забыл.

Сидоров критически посмотрел на новоиспечённого Катиного бой-френда. Такого соплей перешибить можно – тонкий и звонкий, с испариной на лбу и перепуганный насмерть.

– Алексей Алексеевич, я... – начал Альфред, но Сидоров махнул в его сторону рукой.

– Помолчи, – жёстко сказал он, – ты никто, и звать тебя никак. Доказать?

Ещё что-то пытается вякать, задохлик! Сидоров и не думал его бить. Чтобы унять злость, он с хрустом сжал кулаки, а Молотиллов, услышав хруст пальцев и увидев эти страшные кувалды, втянул голову в плечи и зажмурился, ожидая удара.

– Ну-ка, без этого! – спокойно сказала Катерина и встала между ними, – Альфред – мой муж. Это ты никто, Сидоров. Ты бомж, Сидоров. И с завтрашнего дня – безработный. Пошёл вон из моего дома и из моей жизни!

Да! Правда! Катерина нисколько не преувеличивала, говоря «вон из *моего* дома» – дом, который они выстроили, любовно продумав расположение комнат, предусмотрев тысячи всяких штучек-дрючек, обеспечивающих различные удобства, был оформлен на неё. И фирма принадлежала ей. У Сидорова не было ничего. Ничего, кроме отметки в паспорте о том, что такого-то числа такого-то месяца такого-то года зарегистрирован брак с гражданкой...

Но не в штампе дело, и не в правах Сидорова на половину нажитого совместно. Совершенно не в этом дело.

«Пошёл вон, Сидоров!» – звучал в ушах голос Катерины, когда он навсегда покидал свой дом.

«Пошёл вон из моей жизни!..»

Быть может, его душа умерла в тот момент, когда он услышал эти слова. Или чуть позже, через несколько мгновений, когда перешагивал порог дома. Ему показалось, Катерина расхохоталась ему в спину. Но, может быть, если бы он смог заставить себя повернуться, он бы увидел, что в глазах жены стоят слёзы, и что она не хохочет, а двумя руками зажимает себе рот, из которого рвутся рыдания и крик: «Вернись, Сидоров!».

Но он не оглянулся. Он ушёл навсегда.

Кроме кота, Сидорова в его дачном домике навещали мыши. Они скреблись где-то под полом и в стенах, вылезали из норок и серыми комочками быстро прокатывались через комнату. Но вскоре маленькие грызуны куда-то исчезли, потому что серый монстр решил здесь обосноваться всерьёз и надолго. Он стал приходить каждый день, и подолгу сидел возле кровати, глядел на Сидорова жёлтыми глазами, порой противно орал. Не мяукал, как положено представителю кошачьего племени, а именно орал. На кухню кот ходил теперь редко, видимо, всё разведаль в первые визиты.

Где-то через неделю в гости к Сидорову пришёл капитан Мотовило, так он представился, опер из районного отделения милиции. Как выяснилось, Катерина подала заявление в милицию о пропаже мужа. Мотовило очень быстро сообразил, что если труп Сидорова не обнаружен ни в моргах, ни в больницах, и вообще о Сидорове никто ничего не слышал и не знал, то он либо под снегом, или в земле мёртвый, либо где-то живой, но скрывается. А где можно скрываться, если любовницы, как очень быстро выяснил Мотовило, у Сидорова нет, родителей тоже нет, а дома и быть не может, потому что жена именно это и утверждает. Конечно, пропавший может находиться где угодно, может, он в другой город уехал, но начинать поиски с чего-то надо. И Мотовило начал с дачи – с единственной недвижимости, принадлежавшей Сидорову.

– Гражданин Сидоров? Алексей Алексеевич? – гулким басом спросил капитан Мотовило.

– Да, пока ещё.

– А вас жена ищет.

– Да?..

Мотовило явно был в курсе всего происшедшего – наверняка, допросил Катерину, Альфреда Молотилова, кое-кого из приятелей Сидорова. Да капитан и не скрывал перед ним своей осведомлённости, сказал напрямик:

– Брось ты это, парень. Подумаешь, баба скурвилась! Что же теперь – в бомжи подаваться? Законы-то знаешь, небось?

В бомжи? Почему нет? Бомжи – подходящая для Сидорова компания в его теперешнем положении.

– Слушай, капитан, – сказал Сидоров, – пошёл ты...

– Но-но-но! – Мотовило поднял вверх палец-сардельку и погрозил им. – По роже дам за оскорбление.

– Тебе нельзя, ты при исполнении.

– А кто подтвердит, что это я тебе по роже разок въехал?

– Вот он, – Сидоров указал на кота.

Котяра сидел у порога (как всегда его появление оказалось неожиданным!) и нагло смотрел на Сидоровского гостя, облизываясь.

– Это у тебя кто, Кот Бегемот? – спросил Мотовило, проявляя необычную для мента начитанность.

– Кот-живоглот. Видишь, капитан, он на тебя облизывается. Сожрать хочет.

– А ты его что, не кормишь?

– Он сам себе пропитание ищет.

Мент снова внимательно посмотрел на кота, с сомнением покачал головой:

– Подавится. Менты не каждому коту-живоглоту по зубам. Как ты его зовёшь, кстати?

– Никак. Он кот самостоятельный. Приходит, когда захочет.

– Твой?

– Сторожа местного. Ко мне заходит, чтобы пожрать. Иногда пытается что-то рассказать, но я его языка не понимаю.

– Это ничего, – успокаивающе сказал Мотовило. – До весны здесь отшельником проживёшь, понимать станешь. И не только кошачий язык. С призраками начнёшь разговаривать. С тенью своей.

– У тебя закурить найдётся? – спросил Сидоров, сбавив обороты и ощутив вдруг симпатию к толстому капитану.

– А как же! – Мотовило полез в карман. – Я без двух пачек сигарет в кармане на службу не выхожу.

– Две пачки? Так много выкуриваешь?

– Много, – соглашаясь, кивнул капитан. – А иногда вот такие, как ты – нищие миллионеры – закурить просят. Приходится угощать.

– Не хочешь, не угощай, – обиделся было Сидоров, но Мотовило сказал миролюбиво:

– Да ладно ты, не злись. Это я пошутил неудачно. На, кури на здоровье. Что я, не понимаю, что ли? С любым такая хрень произойти может. А может, бутылочку раздавим в порядке знакомства?

– У меня только подсолнечное масло.

– Рафинированное?

– А кто его знает?

Бутылка нашлась у капитана. Точнее, не бутылка, а двухсотграммовая фляжка с коньяком.

– Всегда с собой носишь?

– Всегда. Каждое утро перед выходом на службу кладу в карман две нераспечатанные пачки сигарет и наполняю коньяком фляжку.

– А руководство как на это смотрит?

– В ментуре все пьют. И руководство тоже. Если на этой грёбаной работе не пить, запросто свихнуться можно.

Они выпили и разговорились. Сидоров опьянел сразу. Может, поэтому излил душу капитану Мотовиле. А может, Сидорову просто необходимо было рассказать кому-нибудь всё, что его терзало и давило.

Мотовило был трезв, как стекло. Видимо половина фляжки коньяку для него являлось ерундовой дозой – так, для улучшения аппетита. Он внимательно слушал Сидорова, не перебивал, не спорил.

– Понимаешь, Гоша, – пьяно говорил Сидоров (в процессе распития коньяка они стали называть друг друга по именам), – понимаешь, Гоша, она, тварь, меня ведь не только из своей жизни выкинула, она меня напрочь жизни лишила. Я теперь никто! Дома у меня нет. Дача только эта, так она развалится скоро. Квартиру свою продал, деньги ей отдал. Работы у меня тоже нет. Она, Катерина, уговорила меня дело своё продать, чтобы в её бизнесе больше оборотных средств крутилось. Друзей, и тех у меня нет. Мои друзья – и её друзья тоже. У нас все друзья общими были. И все они на её стороне будут. Потому что зависят от неё, потому что не только друзья, но и партнёры. Да и не друзья они, холуи...

– Да-а-а, Лёха, – соглашаясь, вздохнул Мотовило, – попал ты, как кур в ошип. Окрутила она тебя. Обобрала.

– Ага. А ведь мне говорили, что так и будет. Говорили... Представляю, как теперь злорадствуют... Но понимаешь, Гоша, не в том дело, что я нищим стал. Деньги снова заработать можно. И дом купить, и машину... Не хочу я ничего. Жить тошно...

– Это ты брось! Жить-то всё равно надо.

– Хоть брось, хоть подними. Мёртвый я. Не хочу ничего.

– Может, тебе уехать куда?

– От себя не уедешь. Всё со мной останется. Лежал я тут, Гоша, лежал и думал: может, покончить со всем разом. С мыслями, с воспоминаниями. Утопиться в Шугаевке. Ерунда, что мелкая, утопиться и в луже можно. Или в петлю. Или в город приехать, забраться на крышу самого высокого здания, и...

– Головой вниз? Вдребезги?

– Вдребезги!

– И что не покончил? Страшно стало?

– Да нет, не страшно. Стыдно. Скажут: из-за бабы мужик с ума сошёл. Слабак!

– Это точно, – поддержал Сидорова Мотовило, понимая, что отчаявшегося мужика нужно подальше уводить от мыслей о смерти, – скажут. Да, и кому ты своей смертью доказал бы что-то? А? Ты мужик, Лёха. Я сразу понял, что ты – мужик. Не стал сутяжничеством заниматься и на колени не опустился, унижаться не стал. Ушёл, и всё.

Она, говоришь, тебя из жизни своей вычеркнула? Нет, это ты её вычеркни. Забудь о ней. И сначала всё начни. Ты всем должен силу свою показать. И мудрость. А смерть – она дура. И ничего в ней нет красивого. Смерть отвратительно выглядит. Уж я-то знаю. И в Чечне посмотрелся, да и на службе каждый день... Жить надо, Лёха. Надо жить! Во что бы то ни стало, что бы с тобой не произошло, надо жить. Наплевать на всё и жить!

Они ещё долго разговаривали, чуть ли не друзьями расстались.

– Тебе время надо, чтобы в себя прийти, – сказал Мотовило, уходя, – поживи пока здесь, пусть твоя душа отгадет. Я тебя доставать не буду. Если хочешь, как-нибудь заеду, продуктов подброшу.

– Приезжай. Можешь и без продуктов приехать. Просто так приезжай. Ты нормальный мужик, Гоша.

– Приеду, обязательно приеду.

Сидоров прожил на даче до весны...

6

Первым, с кем решил встретиться Алексей Сидоров, был капитан Мотовило, опер из районного отделения милиции.

Шёл шестой час вечера, и, скорей всего, Гоша Мотовило был ещё на работе. Подойдя к отделению, Сидоров некоторое время постоял на крыльце, покурил, понемногу вытравливая из сознания бомжа и приводя себя в состояние человека, которому нечего бояться милиции. Докурив, выбросил окурочок, и, решительно открыв дверь, подошёл к окошку дежурного. Дымчатые очки, добытые Окрошкой, оказались с небольшими диоптриями и слегка резали глаза, но Сидоров всё-таки надел их, маскируясь под законопослушного легального гражданина.

– Здравствуйте господин старший лейтенант, – поздоровался он с молоденьким коротко стриженным старлеем, – как мне увидеть оперуполномоченного капитана Мотовило?

– Капитана Мотовило? – переспросил дежурный мент, усмехнувшись. – Оперуполномоченного? У нас такого нет. Начальник криминальной милиции майор Мотовило есть.

– Ах, да, да! Конечно, майора, – поправился Сидоров. – это я по привычке. Извините.

– Ничего себе привычка! Мотовило уже, почитай, год, как майор, – старлей внимательно посмотрел на Сидорова, но внешний вид посетителя не вызвал у него подозрений. – У вас заявление, гражданин?

– Нет. Мне просто надо увидеть майора Мотовило. Сообщите, пожалуйста, Георгию Ивановичу, что его хочет увидеть Сидоров. Сидоров Алексей Алексеевич.

– Хорошо, – буркнул старлей, – посидите вон там, на стуле.

...Тогда, в двухтысячном, капитан сдержал слово: приехал на дачу к Сидорову перед самым Новым годом. Привёз огромную сумку с продуктами, такую, с которыми мотаются челноки по заграницам. В сумке было много всяких вкусностей: большой шмат сала, консервы, пакет с домашними пирожками с капустой, сухая колбаса. Ещё там была бутылка коньяка и бутылка шампанского.

– Это тебе гостинчик к празднику.

К сожалению, посидеть и поговорить им не удалось: Мотовило торопился, он должен был отбыть в командировку в Чечню буквально через несколько часов.

– Они охренели? – возмутился Сидоров, имея в виду Мотовиловское начальство, – Перед самым Новым годом?

– Служба, – развёл руками капитан и браво добавил: – Безопасность Родины превыше всего.

Мотовило уехал и больше на даче не появлялся. Сидоров решил, что больше его не увидит. В том, что Мотовило о нём не забыл, и обязательно бы приехал, если б смог, Сидоров не сомневался, но Чечня – то место, откуда порой не возвращаются.

И всё-таки они встретились в третий раз. Года два назад.

Сидоров был на тот момент не только бомжом, но и главным среди обитателей «Искры». Его, в числе других бомжей, загребли менты и поместили в обезьянник в рамках операции «Чистота городских улиц и скверов». Какая-то шишка из Москвы приезжала с проверкой, вот они и попали под раздачу. Мотовило, проходя мимо обезьянника, сразу узнал Сидорова и дал дежурному команду выпустить бомжей на волю, взяв с них железное обещание в течение суток не вылезать из своих нор.

– А если кто нарушит это торжественное обещание, – грозно сказал он и показал всем свой убедительный кулак-аргумент, – того буду дуплить лично. И до посинения.

А потом подошёл к Сидорову, и, демонстративно пожав руку, как старому знакомому, отвёл в свой кабинет. День только начинался, и капитанская фляжка была наполнена коньяком доверху. И сигарет было, как всегда – две пачки.

– Я приезжал к тебе по весне, – сказал Мотовило, – но тебя на даче не было. Раньше приехать не смог. Ранен был, в госпитале отлёживался. А потом дела закрутили. Служба. А ты, я вижу, решил побомжевать малость?

– Релаксация.

– Ну-ну. У каждого свой срок... релаксации.

Мотовило не лез Сидорову в душу, не призывал покончить с бродяжничеством и вернуться к нормальной жизни. О Катерине разговора не заводил, и если бы Сидоров сам не спросил, то и не узнал бы, что заявление Катерина забрала, и искать Сидорова, хотя бы для того, чтобы с ним развестись, не стала. Так и осталась его женой. А с Альфредом живёт в гражданском браке, как говорят церковнослужители: во грехе живут. Да, и не смогла бы Катерина за Альфреда замуж выйти, с Сидоровым-то она в церкви венчана. А это кое-что значит.

Тем не менее, на дачу за Сидоровым в ту долгую, мучительно долгую для него зиму, она не приехала. Капитан Мотовило сообщил Катерине, что нашёл её мужа, но она не приехала. Гордая. Вычеркнула, значит, вычеркнула. И точка. А может, ей было просто наплевать на него? Но и ему, Сидорову, тоже наплевать, он тоже вычеркнул её из своей жизни.

Майор Мотовило появился в дежурке минуты через две-три и направился к Сидорову, широко и дружелюбно улыбаясь. Сидоров снял очки, сунул в карман пальто и тоже улыбнулся.

– Привет, Лёха! – пробасил Мотовило.

– Здравствуй, Гоша!

– Значит, решил вернуться? – спросил Мотовило после рукопожатия и склонил голову набок, рассматривая Сидорова в его парадном наряде.

Сидоров пожал плечами.

– Не знаю.

– Ну-ну, – Мотовило посмотрел на свои командирские часы, – в принципе, я все дела на сегодня закончил. Может, ко мне? Жена моя, Надежда свет Петровна, бросила меня. Ну, в том смысле, что к родителям в деревню Холмы уехала. На праздники, да тесть с тёщей гостинiec приготовили – поросёнка закололи, сала насолили. Помощь деревни городу, так сказать. Так что, хата пустая. Посидим. Коньячку тяпнем. Или ты, Алексей, желаешь какое-нибудь питейное заведение посетить?

Сидоров отрицательно помотал головой.

– Лучше к тебе.

– Добро!

Жил майор Гоша Мотовило небогато, сразу видно – не оборотень в погонах. В двухкомнатной хрущёвке (у Сидорова была точно такая до женитьбы на Катерине) ремонт не делался давно, но в прихожей, где они сняли верхнюю одежду, и на кухне, куда Сидорова привёл Мотовило, было чисто, и во всём ощущался строгий армейский порядок, по-видимому, установленный самим Гошей и тщательно поддерживаемый его женой. Большой холодильник «Минск» был забит продуктами под завязку. Когда Мотовило открыл дверцу, Сидоров усмотрел с десяток кастрюль и кастрюлек, гирлянды сосисок, сарделек и множество банок, пакетов и свёртков.

– Любимая моя, Надежда свет Петровна, уезжая на малую родину, позаботилась о чреве мужа своего, – пояснил майор, зацепив взгляд Сидорова, – наготовила на месяц, хотя на недельку-то всего и уехала. Котлет нажарила трёхлитровую кастрюлю. Я, конечно, поесть со вкусом люблю, но тут и мне, обжоре, многовато будет. Так, что, Лёха, ты на моём горизонте вовремя обозначился, поможешь мне спасти продукты от противоестественной убыли.

– А что ты называешь противоестественной убылью? – улыбнулся Алексей.

– Пропадёт же всё, если не съесть! Употребить по назначению, то есть скушать – это естественная убыль продуктов, а вот проквасить качественную пищу и выбросить на помойку – это противоестественно и даже грешно, с моей точки зрения. Так что не будем грешить! – подвёл итог своей лекции Мотовило, достав из шкафчика над холодильником бутылку армянского коньяка и поставив на стол, – вот с этим делом продуктов много не покажется.

– И всё же мне кажется, что всё это за неделю съесть невозможно, – с сомнением в голосе сказал Сидоров. – даже вдвоём.

– А мы сильно постараемся, и всё у нас получится.

– А кем твоя жена работает? – спросил Сидоров, протискиваясь по узкому промежутку между столом и стенкой к стоящей в уголке табуретке.

Мотовило, тем временем, с сосредоточенным лицом выкладывал продукты на стол.

– А никем не работает, – отозвался он, закрыв, наконец, холодильник, и стал, кряхтя, моститься за столом, одновременно свинчивая крышку с бутылки, – домохозяйка. Она ведь на «Искре» работала до того, как все эти катаклизмы произошли. Секретаршей. Без образования, без всего. Из деревни моя Надежда приехала. Какой-то дальний родственник здесь у неё на «Искре» работал, вот и помог устроиться. По благу, так сказать. Надя потом документы в технологический подала, хотела институт закончить и инженером стать. А тут, блин, конверсия! Когда завод прикрыли и Наденька моя работы лишилась, тут и не до института стало. Или в деревню к родителям, или в городе на панель... Ну, будем!

Мотовило поднял рюмку, по ёмкости соответствующую гранёному стакану, наполненную до края. Сидоров посмотрел на свою рюмку с опаской, но жеманничать не стал. Они чокнулись и выпили. Майор громко крякнул от удовольствия.

– Закусывай, закусывай, Лёха. Не стесняйся, – потчевал он гостя, – котлеты бери, колбаску. Коньяк надо калорийной пищей заедать. Французы эти и прочие иностранцы ни хрена не понимают, лимончики там, шоколадик, писи-кола. Чушь. Котлета – это да! С котлетами коньяка много выпить можно. А французы от жадности своей придумали коньяк лимоном закусывать. О, блин! – спохватился вдруг Мотовило.

– Что такое?

– Соленья забыл! – Он встал и вытащил с антресолей трёхлитровую банку солёных помидоров.

– Может, не надо? – нерешительно предложил Сидоров.

На самом деле, солёных помидоров ему очень хотелось, даже больше, чем котлет. Он не ел домашних солений, почитай, лет десять. Когда мама была жива. Катерину домовитой хозяйкой назвать трудно, она в другом деле виртуозка. Да и предыдущие его жёны болезненной страстью к заготовкам не страдали, а если учесть то небольшое время, в течение которого он неоднократно пытался основать семью, первичную ячейку общества...

– Надо, Лёха, надо, – Мотовило оторвал руками крышку от закатанной банки (Сидоров только головой покачал, изумлённый силой его пальцев) и поставил банку на стол. – Ну, что? Под помидорчики? Деревенские. Из Холмов.

Они снова выпили. Бутылка оказалась выпитой на две трети. Мотовило достал из шкафчика ещё одну, а Сидоров решил, что пора переходить на половинную дозу, и, по возможности, снизить частоту возлияний.

– А дальше что было? – спросил он.

– Ты имеешь в виду, что стало с Наденькой? Не пошла ли она на панель? Не пошла. И в деревню к родителям не вернулась. В те времена в деревне жизнь мало на мёд походила. Оно и теперь-то... Устроилась в продуктовый ларёк. Ну, тут как водится рэкетеры, шалупонь эта мелкотравчатая. Наезды, угрозы, отъём выручки. Она, не будь дура – в милицию. Тут мы с ней и познакомились. Я её сразу полюбил. А она... – Гоша вздохнул и признался, – и теперь не знаю, любит ли? Привыкла, наверное... Вот, детей у нас нет. Жалко...

Мотовило снова налил, но по половинке. Без Сидоровского предупреждения.

– Но ты ведь ко мне пришёл не для того, чтобы историю моей супруги выслушать. Я же понимаю. Ты из-за своей Катерины ко мне пришёл.

– Расскажи мне всё, что знаешь об этом, – попросил Сидоров.

– Давай выпьем за упокой души твоей законной жены Екатерины Андреевны. Царство ей небесное.

Они выпили, не чокаясь. Мотовило проглотил помидорину и полез в карман за сигаретами. Сидоров тоже достал свою «Приму». Мотовило взглянул на красную пачку овальных сигарет, сгрёб её со стола и бросил в мусорное ведро, стоящее под раковиной. Попал.

– Говно теперь «Прима». Она и при коммунистах говном была, а теперь так вообще. На, кури. «Пётр первый». Дёшево и сердито. «Мальборо» и «Кент» мне не по карману, денег только на жратву, коньяк, и великого императора хватает.

– Спасибо. Давай о деле.

– Выпьём?

– Позже.

– О деле... – задумался Мотовило, – а дела никакого нет. Сразу-то возбудили, но тут же закрыли. Очень быстро закрыли. И в архив. Несчастный случай в быту. Неосторожное обращение с огнём. Я лично на пожарище выезжал. Судебно-медицинская экспертиза. Никакого криминала. Вот так.

– Не вешай мне лапшу на уши, Гоша, – сказал Сидоров, – Я Альфреда встретил. Он мне рассказал всё.

– Молотилова Альфреда Аркадьевича?

– Молотилова. Альфреда Аркадьевича, – кивнул Сидоров. – он мне рассказал, как Катерину убили. О Пархеме рассказал. О банке «Парус». О чеченцах. О кидке, который Пархом организовал.

– Стало быть, не нашли чечены Альфреда. И то хорошо, – Гоша Мотовило налил себе коньяку, не предложив Сидорову, и залпом выпил. Потом с удивлением посмотрел на рюмку, налил ещё и снова выпил. – Наверное, я трус, Леха... Трус, как ты считаешь?

Сидоров промолчал. Он внимательно посмотрел на Гошу и вдруг увидел перемены, происходящие с ним.словно майор вдруг резко и неожиданно устал, или словно маска напускной весёлости и жизнелюбия упала, тесёмка лопнула и маска упала. Сидоров заметил под Гошиними глазами дряблые серые мешки, и что его левый глаз мелко дёргается в нервном тике, что румянец со щёк сполз куда-то вниз, а лицо майора стало похоже на сдувшийся первомайский шарик.

– Коррупция, мать её! Слияние криминала с властными структурами! – в сердцах произнёс Мотовило и так хватил кулаком по столу, что бутылка армянского коньяка подскочила, опрокинулась, и, разливая остатки янтарного содержимого, покатила со стола. Сидорову удалось поймать её, – Все, слышишь, Лёха, все кормятся со стола Пархома. И прокурор города и начальник ГУВД. Я не говорю уже про районное начальство. Да что там менты и прокуратура? Сам мэр у него в корефанах ходит. Не ходит, вру. Ездит. На «Бентли» этого года выпуска, который ему Пархом на день рождения презентовал. Сука! А жена его, сучка, на «Джипе», тоже из Пархомова гаража.

Гоша снова себе налил.

– Будешь? – предложил Сидорову.

Тот кивнул.

– За слияние бандитов с нашими козлами коррумпированными! Чтoб они все провалились! – и Гоша выпил, не чокаясь.

Сидоров свою рюмку только пригубил.

– А Альфред, значит, выжил, еврейчонок худосочный, – продолжил Гоша закуривая, – повезло. Это я его, буквально, из рук расстрельного конвоя выдернул и из отделения чуть ли не пинком выпроводил. Не знаю, понял ли он моё напутствие? Наверное, понял, раз чечены Пархомовские его не нашли.

– Не понял он ни хрена. Просто повезло. А его, Альфреда, кто-то, кроме Пархома ищет? Милиция или прокуратура? РУОП?

– А на кой он им нужен? Он же никто и звать его никак!

«И я эти слова как-то произнёс в адрес Альфреда, – подумал Сидоров. – Совпадение мнений...»

– У него же ничего не было, – продолжал Гоша, – ни дома, ни машины, ни денег. Всё твоей бывшей принадлежало. А он так – бесплатное приложение. Впрочем, тебе это знакомо. А у него, у Молотилова, даже отметки в паспорте, что он Екатеринин муж, не было. Мне его не жалко нисколько, но человек всё же!

– А расстрельный конвой? – напомнил Сидоров.

Мотовило пожал плечами:

– Ну, это так, образно. На тот момент дело ещё не закрыли. Молотиллов по нему свидетелем проходил. А Пархом своим вассалам команду дал – найти Альфреда и тут же потерять. Только так, чтобы уже никто больше не нашёл. А теперь, когда дело закрыли, он и Пархому не больно нужен. Но лучше парню отсидеться где-нибудь, переждать. Он где обитает? На «Искре»?

– На «Искре», – подтвердил Сидоров, – я его в город не выпущу. Но сам я отсиживаться не собираюсь.

– Ты что это надумал? – подозрительно покосился на Сидорова Мотовило, – Выбрось из головы. Официальным путём ни хрена не сделаешь. Тупик. Я тебе уже рассказывал. А если сам с Пархомом разобраться решил, даже не думай. Тебя к Пархому на пушечный выстрел не подпустят. У него в охране сотня чеченов. И в доме, и в банке, и вокруг него самого – в три кольца. Чёрная сотня, как их сам Пархом называет. А ты не Рембо, хоть, и мужик не слабый. Нет, Лёха, не вздумай к Пархому соваться, пропадёшь.

– Я думал, ты поможешь.

– Я? – Мотовило вскинул глаза на Сидорова и тут же опустил. Помолчал, потом стал говорить, словно оправдываясь: – Я, Лёха, не один, у меня семья. Жена, Наденька. Может, родит мне ребёночка... Да и знаю я: гиблое это дело. Ничего не получится. А работой своей я дорожу. Должность, звание. Я их не по блату получил. Верой и правдой Отечеству служил, преступников ловил, в Чечне воевал. Люблю я свою работу, Лёха. Конечно, всех сволочей переловить и пересагать не могу – руки короткие, но, ведь, кроме Пархома, в мире полно всяких злодеев и маньяков. Их, ведь, тоже кто-то ловить и сажать должен... Извини, Лёха, не могу я.

– Гоша! Ты чего это! Я тебя подставлять не собирался, и помочь мне Пархома грохнуть не просил. Я хотел, чтобы ты мне кое-какую информацию подкинул. И всё. Я ведь от жизни отстал, не знаю, что в городе происходит. Что, как, кто?

– Информацию? Ну, информацию, это конечно. Что знаю, расскажу. Только всё равно, не советую я тебе... А знаешь, я вдруг подумал, тебе к Самсонову надо. У него и финансы, и прочие ресурсы в наличии, и интересы ваши совпадают. Может, у вас вдвоём удастся Пархома свалить, не по закону, так...

– Постой, Гоша. Кто такой Самсонов?

– Самсонов? – удивился Мотовило, – Ты что, девичью фамилию своей Катерины забыл? Самсонов Андрей Валентинович – это ж родной папа Екатерины Андреевны, тесть твой.

– Тесть? – пожал плечами Сидоров. – Я с Катинными родителями знаком не был. Даже не видел их никогда. Да и Катерина о них мне ничего не рассказывала. А кто он?

– Олигарх, серьёзный дядька, нефтяной король. Из Сибири. Из Таргани, есть такой городишко нефтяников на севере Западной Сибири. Приехал сюда неделю назад. Я совершенно случайно о его приезде узнал, в отделе один из моих оперов о Самсонове рассказывал. У него жена в гостинице «Центральная» дежурным администратором работает.

– У Самсонова?

– Да нет, у опера у моего. Рассказывала, что занял старик лучшие апартаменты в гостинице и целыми днями там сидит как сыч, не выходит. А у двери два мордворота дежурят постоянно. И ещё четверо в соседних номерах. Живёт Самсонов в апартаментах не один, с секретарём. Молодой парнишка, лет тридцати... до тридцати. Кроме секретаря, у Самсонова ещё один помощник имеется, тоже в гостинице живёт, но в других апартаментах, поскромнее. Похож этот помощник на отставного гэбэшника. В гостинице этот гэбэшник практически не появляется, днями рыщет по городу, только ночевать приходит. А перед тем, как в свой номер идти, с докладом к старику навевывается, добытую, стало быть, за день информацию докладывает. Видать, Самсонов желает до истины докопаться.

– В милицию от Самсонова заявление не поступало?

– Нет никакого заявления. Я же говорю, случайно узнал. В конторе обычная рутина: карманники, домушники, мошенники, маньяки и эксгибиционисты. О трупе в Шугаевке словно забыли все.

– Тогда с чего ты решил, что старик хочет найти убийц дочери? Может, это вообще какой-то другой Самсонов? Мало у нас Самсоновых, что ли? Чуть меньше, чем Сидоровых.

– Тот самый. Я факты сопоставил и справки кое-какие навёл. Аккуратно. Позвонил корешку в Новосибирск с домашнего телефона.

Сидоров усмехнулся.

– Ну, вот, – сказал он, – говоришь: «не могу я», а сам уже расследование начал. Мне даже кажется, что ты меня ждал. Я прав?

Мотовило кивнул:

– Прав. Я знал, что ты, рано или поздно, ко мне придёшь. Не тот ты человек, чтобы в норе отсиживаться. Да и время, видать, твоё подошло. Закончилась релаксация?

– Закончилась.

7

Уходя в город, Сидоров привычно проинструктировал Окрошку, оставив его за себя главным на заводе на время своего отсутствия, и объявил это всем, кто в тот момент, находился в цехе. В принципе, объявления можно было не делать, все и так знали, что Окрошка – самый близкий Ляксеичу человек, его верный адъютант, секретарь и помощник, почти кореш, и что Сидоров всегда, когда покидает развалины дольше, чем на сутки, оставляет за себя Окрошку. Знали и принимали это, как должное.

Вообще-то корешей у Сидорова не было, существовала некая дистанция между ним и остальными бомжами. Сидоров был одним из них, так же, как они, каждое утро уходил в поиск, был одет так же, в тот же самый сэконд-хэнд с помойки, и даже разговаривал на понятном им языке. И, тем не менее, дистанция существовала. Не Сидоров её установил, бомжи сами, чувствуя превосходство Ляксеича в познаниях, навыках и интеллекте, отдавали ему должное, и к панибратству не стремились. Дистанция основывалась не на слепом подчинении, а на авторитете: на уважении личности Сидорова и на признании его заслуг перед вольным братством.

Особенно сильно авторитет Сидорова вырос, когда ему удалось договориться с бригадой сантехников, выполняющей какой-то заказ в близлежащем к развалинам коттеджном посёлке, и осуществить с их помощью врезку в теплотрассу. У сантехников имелось газосварочное оборудование, возможность стырить трубы и желание слегка подкалымить. И не важно, кто платит. А кавардак в делах и нерадивость руководства, царившие в периферийных подразделениях Чубайса, помогли обитателям развалин не замёрзнуть в лютые зимние морозы...

Сидорова после того случая зауважали. Сильно зауважали. Даже предложили переселиться из холодной гардеробной в другую бытовку, где было теплей, и которая находилась дальше от пролома в стене цеха. На второй этаж в кабинет начальника цеха Сидоров переехал после избрания старшим на заводе.

Здесь Окрошка расстарался, мигом провёл пиар-компанию. Возражений ни у кого не возникло – ни против кандидатуры Сидорова, ни против факта избрания старшего.

– Ты что это затеял? – спрашивал у Окрошки Сидоров, услышав шушуканье бомжей у себя за спиной, увидев их взгляды и суетливое, скачкообразное мельтешение одноногого афганца-беженца.

– Старшим тебя хочу сделать, Ляксеич, – отвечал Окрошка, – старшим над всеми нами.

– Зачем это?

– Без старшего нельзя, Ляксеич. Никак нельзя. Перессоримся мы все без твоего мудрого руководства. Перегрызёмся насмерть.

– Так ведь раньше у вас никакого старшего не было. Как же раньше-то вы жили?

– А так и жили. Кто во что горазд.

Сидоров почесал макушку и пробормотал задумчиво:

– Да-а-а. Не может русский человек без руководства жить. Царя-батюшку ему подавай, мудрое руководство. Иначе ляжет и лежать будет, неизвестно чего ожидая... Ну, что ж? Попробую себя в должности императора всея развалин.

– Чего говоришь? – не расслышал Окрошка.

– Согласен, говорю. Собирай Вече народное.

Собрались все. Обсуждения, как такового, не было. Бомжи сразу после короткого вступительного слова Окрошки и представления всем известного кандидата принялись кричать:

– Любо! Ляксеича на царство!

Не поймёшь: то ли в шутку кричали, то ли всерьёз, то ли, одноногий их так научил.

С этого памятного дня кучка «искровских» бомжей должна была начать постепенное превращение в более или менее организованное сообщество – такая была программа у Сидорова, и он торжественно донёс её до собравшихся.

– Любо! – кричали бомжи, – Теперь у нас всё, как у людей будет! – До избрания Сидорова они себя, по-видимому, за людей не считали.

Окрошка был на вершине блаженства. Отведя Сидорова в его новые апартаменты, он торжественно заявил:

– Теперь, Ляксеич, можешь на работу не ходить. Народ, тутошние бомжи то есть, тебя кормить обязаны. Как старшего над ними, начальника и благодетеля. А я всегда при тебе буду находиться. Тока кликни, и я на трёх ногах мигом прискачу.

Сам-то он, Окрошка, тоже наверняка на работу ходить не собирался. Но Сидоров тут же его огорчил:

– В поиск я буду ходить, как и раньше ходил. Я – здоровый мужик, и сам себя прокормить в состоянии. В нашей жизни бомжовой предпочтений ни для кого, по определению, быть не может. Уразумел?

– Чегой-то? Каких таких перфораций?

– А таких! Руководство нашим сообществом я буду осуществлять во вне рабочее время. На общественных началах, так сказать. И ты губу не раскатывай. Завтра кем наряжаешься – беженцем или воином-интернационалистом?

Окрошка надулся, как мыльный пузырь, даже радужные пятна на щеках и лбу появились, и ушёл. Но через полчаса поскрёбся в дверь приёмной, лично установив этим некую субординацию, и когда Сидоров разрешил войти, сказал:

– Ты, Ляксеич, мужик мудрый. Всё правильно рассудил.

Окрошка был тёртым калачом и понимал: с начальством надо не конфликтовать, не дуться на него, а хвалить и всячески потакать, тогда всё путём будет.

– Молодец, что понял, – отозвался Сидоров, осматривающий буржуйку, подарок бомжей. – Так кем ты завтра рядишься?

– Афганцем. Народ наш что-то беженцев не очень...

Сидоров улыбнулся:

– Ладно, афганец, иди, отдыхай.

– А ты, Ляксеич, всё ж не забывай, кто тебя сюда привёл, – не удержался Окрошка.

– Не забуду, – пообещал Сидоров.

... Именно он, Окрошка, привёл Сидорова на завод в мае две тысячи первого года.

Он тогда, в роли глухонемого инвалида, собирал деньги с пассажиров пригородного поезда. А тут настоящие глухонемые – люди ущербные, а потому злые, и в силу одинакового изъяна организованные, выкинули бедолагу из электрички, как щенка, хорошо ещё, что на остановке, могли бы и на полном ходу. А остановка была – Шугаевка.

Окрошка собрал костыли, огляделся, и, заметив вдали оттаявшие дачные участки, решил, раз уж он тут оказался, проинспектировать их на предмет потенциальной добычи. Успешно просочившись на территорию садоводческого общества мимо сторожки, почему-то не облаянный собаками, Окрошка поскакал на костылях подальше от опасного места. На одном из участков увидел бородатого длинноволосого человека в бушлате и резиновых сапогах, что-то рвущего в огороде. С виду – бомж, но бледный. Бомжи, они и зимой загорелые, а к весне и вообще – чёрные, как негры. Грязь приобретению подобного оттенка тоже способствует.

– Э, мужик! – позвал Окрошка, – Ты там что, весенние подснежники собираешь?

Мужик поднял голову, и Окрошка поразился выражению его глаз. Они были серые, но казались белыми – выцветшими и какими-то неживыми. А лицо у мужика было худое и блед-

ное, как у выходца с того света. Окрошка даже вздрогнул и незаметно перекрестил свой впа-
лый живот. А мужик вдруг улыбнулся, но как-то грустно.

– А подснежники только весенними и бывают, – сказал он, – летом не растут.

– Да ну? – иронически произнёс Окрошка.

– Ну да, – в тон ему ответил мужик с неживыми глазами, – заходи. Перед калиткой сто-
ишь.

– А это твоя дача?

– Моя. Заходи, не бойся.

– А чего мне бояться, я человек вольный. Захочу, и без твоего приглашения зайду, – и
зашёл.

– Ты бомж? – спросил мужик, когда Окрошка подошёл.

– Это ты почему так решил?

– Сам же сказал – вольный человек. Да и воняет от тебя.

– Воняет, не нюхай, – обиделся Окрошка, но тут же забыл про обиду, – так ты лук тут
собираешь?

Мужик пожал плечами.

– А я не знаю, что это, – сказал он, – Вышел в огород, смотрю – травка какая-то из земли
пробивается.

– Это лук, – тоном специалиста заявил Окрошка, – солнышко пригрело, он и попёр из
земли. Видать, осенью луковицы не все выкопали, в земле оставили. Вот он и прёт. Весна,
всё к солнцу тянется. – Окрошка задрал голову, и, подставив щетинистые щеки лучам солнца,
улыбнулся, – Весна! Тепло, как летом. Солнышко пригревает. Эх, окрошечки бы сейчас! К
твоему луку огурчик бы, яичко, сметанку, колбаски бы... А давай окрошку сделаем? Чегой-
то я есть захотел.

Мужик усмехнулся:

– У меня, кроме лука, к окрошке нет ничего.

– Совсем ничего?

Мужик отрицательно покачал головой.

– А чем ты питаешься? – поинтересовался Окрошка.

– Со вчерашнего дня ничем. Продукты были, но за зиму всё съел. Вчера последнюю
горсть перловки сварил. А сегодня вот, – мужик указал на пробивающиеся из земли тоненькие
зелёные пёрышки лука, более похожие на молодую осоку, – только это.

– Небогато живёшь, – констатировал Окрошка, – ты что, здесь зиму перезимовал?

– Перезимовал, – вздохнул мужик, – только надо говорить не «зиму перезимовал», а
просто «перезимовал». Масло масляное получается.

– Грамотный? Как звать-то тебя, грамотей?

– Алексеем Алексеевичем Сидоровым.

– Длинно. А меня коротко зовут – Окрошка.

Сидоров скупно улыбнулся:

– Окрошка, потому что окрошку любишь?

– Не то слово. Я её, окрошку эту, каждый божий день есть могу, и не надоест нисколько.
Даже зимой могу. И в завтрак и в обед, и вместо ужина. Ночью спроси: «Окрошка! Окрошку
будешь?». Скажу: «Давай!». Окрошка – это ж сплошные витамины и удовольствие... Ну, ладно.
Нет у тебя ничего, и ладно. Ты мне, Ляксеич, лучше расскажи, что делать будешь, коли у тебя
кушать нечего. Ты что, и дальше будешь на этой даче сидеть? Ждать, когда плоды-ягоды у тебя
на огороде вырастут?

Сидоров пожал плечами.

– Долго ждать придётся, – продолжал Окрошка, – что-то не пойму я. Жратвы у тебя нет. Денег, по ходу, тоже. На бомжа смахиваешь. Худой, одежка так себе. Но жилплощадь, – он указал на домик Сидорова, вросший в землю, – вроде как имеется. Ты кто, Ляксеич?

– Да, наверное, всё-таки бомж, – предположил Сидоров.

Окрошка откинул голову назад, внимательно осмотрел нового товарища. Предложил:

– Напарником ко мне пойдёшь? Выглядишь подобающе для нищего. Как будто болел долго. Таким из жалости подают. Пойдёшь?

Сидоров не стал возмущённо отвергать предложение калеки. Подумал и согласился. К прежней жизни возвращаться он не хотел, а жить как-то было надо. Наплевать на всё и жить, вспомнил он слова капитана Мотовило.

Так он стал бомжом.

Окрошка, стуча костылями по бетонному полу, обходил вверенный ему Сидоровым цех, где проживало вольное братство. Встал он рано, бомжи вообще рано вставали – кто рано встаёт, тому бог даёт. Но Окрошка поднялся раньше всех. Прошёлся по бытовкам, колотя костылём в каждую дверь.

– Подъём, бойцы! – кричал он, как дневальный в казарме, – Подъём! Тревога! На зарядку становись! На туалет три минуты! Подъём!

– Щас встаём, – отвечали ему одни.

– Да пошёл ты! Сами знаем, – отвечали другие.

В умывалку не пришёл никто. За несоблюдение гигиены Сидоров их ругал, и многие его слушались. А Окрошку можно было и послать куда подальше.

Выпроводив всех (на заводе, кроме Альфреда, остался только один бывший уголовник, пожилой бомж по прозвищу Бирюк), Окрошка пошёл к лестнице. Альфред, наверное, ещё спит. Сидоров, уходя, приказал Окрошке никуда своего родственника не пускать, и вообще присматривать за ним.

Но Альфред не спал. Он стоял на площадке нижнего этажа, почёсывая под пиджаком искусанные за ночь клопами бока, и смотрел в тёмный провал лестничного марша, ведущего в подвал. Вся подвальная площадка и часть лестничного марша была завалена строительным мусором, оставленным ещё до конверсионного катаклизма прежним руководством завода. Да бомжи добавили сюда разного хлама, который даже им был не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.